

ЮРИЙ РОЗИН
МОНСТР.
МАЛЕНЬКИЙ
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

НОВАЯ ЖИЗНЬ –
это не всегда подарок

RED

Юрий Розин
Монстр. Маленький
изобретатель
Серия «RED. Фантастика»
Серия «Монстр», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66833663
ISBN 978-5-04-162196-4

Аннотация

Пустыня африканского континента. В странную экспедицию, направлявшуюся непонятно куда и зачем, отправился человек, пытавшийся избавиться от прошлого. Кто в этом мире мог знать, что этот поступок станет началом для легенды, настолько странной, что в нее почти невозможно поверить? Одна жизнь закончилась и началась другая, вот только новая жизнь – это не всегда подарок, она вполне может обернуться страшным проклятием. И что же ждёт этого человека в ином мире, полном столь невероятной магии?

Комментарий Редакции: Несмотря на такое хрустально-мягкое название, этот фэнтезийный роман – далеко не про и не для детей. Это история преодоления, становления

*и трансформации, которая искрит волшебством, риском и
небывальым азартом жизни.*

Содержание

Пролог	6
Глава 1	50
Глава 2	65
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юрий Розин

Монстр. Маленький

изобретатель

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Grandfailure / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Пролог

– Ну почему это должен быть именно ты?

– Мы уже это обсуждали. Я – его единственный преемник, других нет и, скорее всего, не будет ещё очень долго. А война всё ближе! Если я не достигну требуемого уровня силы, мы все можем погибнуть!

Как же сильно сжималось его сердце от мыслей о скорой разлуке. Но все остальные варианты были слишком страшны.

– Ты и так можешь погибнуть! Я нашла описание этого твоего «совершенно безопасного» способа. И ты забыл упомянуть, что успех этого способа пока чисто теоретический? Все, кто его использовал, либо не просыпались вовсе, либо становились жестокими монстрами!

Сердце, и так будто зажатое в тиски, на секунду прекратило свою вечную работу. Он надеялся, что она не станет в это лезть. Естественно, напрасно. Хотя, не было бы это так, они бы сейчас не были вместе. Жестокая ирония, что уж сказать.

Оставался только один способ разрешить эту ситуацию – как-то убедить её в невозможности иного исхода. То, чего он так и не смог сделать за последние пять лет.

– Послушай меня, пожалуйста. Для того, чтобы противостоять врагу, нам нужны трое Мастеров. Но в ближайшие лет двадцать не будет никого, кто бы смог приблизиться даже к

моему уровню, не то, что добраться до силы учителя. Только я могу хотя бы попытаться изменить ситуацию.

– Но...

– Не перебивай! – он ненавидел повышать на неё голос, но сейчас это было необходимо. – Никто кроме меня, ты понимаешь? Если я провалюсь или струшу, то всю империю сотрут с карт! Погибнешь ты, твои родители, родственники, друзья – все, кого ты знала или просто встречала на улице! Я не могу взять на себя ответственность за такое количество смертей! Я должен попробовать!

– Но... – она снова попыталась вставить слово, а он схватил её за плечи и потряхнул со всей силы.

– Чёрт побери, выслушай меня! Я должен это сделать, но из всех существующих способов только один занимает годы, а не десятилетия. Пытаться идти другими дорогами – это всё равно что не пытаться вообще! На поиски альтернативных вариантов тоже нет времени! Остаётся лишь один путь. Тот, о котором мы спорим уже не первый год! Я бы отдал всё на свете, чтобы провести с тобой столько времени, сколько возможно. Но мой отказ означает твою смерть и смерти миллиардов других. Я бы выбрал тебя. Если бы можно было спасти твою жизнь ценой всего остального мира, я бы сделал это, но вопрос не стоит так. Он звучит по-другому: шанс на спасение, пусть и крошечный, или неизбежная смерть! Если я провалюсь, это будет наша последняя встреча, так что молю, не дай мне запомнить её такой.

Его руки опустились, он был опустошён, как морально, так и физически. Он знал, что если и сейчас она попросит его остаться, то он так и поступит. И гори оно всё синим пламенем.

— Я буду ждать тебя! — тонкие и изящные руки обвили его шею. Это был, без всяких вариантов, лучший поцелуй в его жизни. Ведь, скорее всего, он был последним.

* * *

— Ты готов?

— Да, учитель, — они стояли на платформе лифта, скачущей через червоточины к такому далёкому участку пустоты, что сложно было даже вообразить.

— А как же... — вид смутившегося старика был бы забавным, если бы ситуация не была такой напряженной.

— Она понимает.

— Тебе очень повезло, мой мальчик, — тяжело вздохнул старик.

— Я знаю, учитель, я знаю...

* * *

— Помни, когда ты уснёшь, то потеряешь себя. Твой разум, твоя душа, всё твоё существо уже не будут тебе принад-

лежать. А потому нет никаких способов увеличить шансы успеха, – Мастер, лихорадочно повторяя всё те же слова уже, наверное, в двадцатый раз, крепил к его душе тысячи мельчайших зарядов. Если он провалится, то очнуться просто не успеет. Каким бы сильным он не стал, бомба, способная гасить звезды, взорвавшаяся прямо внутри его души, принесёт смерть. Окончательно и бесповоротно.

– Я помню.

Страх не было. Странно, но вообще ничего не было. Возможно, техника уже начала оказывать своё влияние.

– Слушай, – вдруг старик замер и внимательно посмотрел в глаза своему ученику. Единственному ученику за много-много лет. – Когда ты будешь засыпать, когда от твоего сознания останется лишь крошечная часть, настолько малая, что это будет даже смешно, подумай о той, кого оставил. Подумай о вашем последнем миге, о том, насколько горько и насколько сладко это было. Подумай о том, что она ждёт твоего возвращения, твоего, а не неведомой твари, что родится на свет в случае провала. Подумай о тех годах, что вы не провели вместе сейчас, и о тех, которые проведёте, если тебе удастся. Подумай о детях, которые у вас родятся, о том, как сильно ты будешь любить их и как сильно будешь страдать, если с ними что-то случится. И подумай о том, насколько пустым станет твоё сердце, если с ней что-то случится. Думай обо всем этом в тот последний миг, и, я уверен, у тебя получится.

Но ответом ему была тишина. Потерявшись в глубине своей собственной памяти, Мастер не заметил, как взгляд его последнего ученика остекленел и затуманился. Его уже не было. Его душа сейчас дробилась, ломалась, перестраивалась, создавая что-то совершенно иное. Волшебный процесс, непонятно каким образом изобретённый одним из великих древних умельцев. И вот, спустя столько лет, этот способ, созданный их теперешними врагами, должен был решить судьбу целой империи. Фортуна порой подкидывала самые поразительные совпадения.

– Спи крепко, мой дорогой ученик, – учитель, словно разом постарев на несколько сотен лет, тяжело опустился рядом с лежащим в пустоте юношей. – Ты ведь думал о ней, я прав? Конечно. Я мог бы промолчать, твои мысли всё равно были бы заняты лишь одним. Время, пространство, материя, вселенная во всём своём многообразии открыта для нас словно книга. Но всё равно осталось нечто, до сих пор непознанное человечеством. И это любовь. Волшебная вещь, единственная, которую мы так и не разгадали. Забавно. Может, это просто мои желания... – старик с силой потёр короткий ёжик волос. – Нет, мне всё-таки кажется, что не только. Назовём это... интуицией? Да, пусть будет интуиция. И она подсказывает мне, что именно любовь сделает тебя, мой дорогой ученик, тем, кто достиг успеха в этом невозможном начинании. Первым во всей вселенной.

Год 1561 от рождества Христова был вполне обычным в истории Земли. Столица Испании была перенесена в Мадрид, началась блокада Нарвы, родился Фрэнсис Бэкон. Интересные, но ничем не выделяющиеся из канвы мировой истории события.

Однако, было и ещё кое-что. В один из дней лета, когда солнечный диск особенно ненавидим горожанами и особенно любим земледельцами, небольшая таверна где-то на окраине Европы стала свидетельницей встречи очень странной компании.

Вопросы подавальщиков они игнорировали, да и, в общем, смотрелись достаточно внушительно, чтобы через какое-то время окружающие благоразумно сделали вид, что не замечают этих людей. Чуть позже в двери вошёл новый посетитель и молча уселся на единственный свободный стул. А ещё через несколько минут каждый, кто находился в таверне, вдруг схватился за сердце и упал замертво.

Умерло девятнадцать человек, стража города долго пыталась понять, что же произошло, но совершенно напрасно. Дело было списано на работу ведьм, тогда бывших едва ли не главным врагом всего цивилизованного человечества. И никому уже не было дела до того, для чего тогда встречались эти восемь человек. Да и даже если бы кто-то выжил и смог

пересказать их разговор, вряд ли хоть кто-то смог бы понять, о чём они говорили.

– Я ненавижу эти чёртовы тела! – высокий плечистый мужчина с испещрённым шрамами лицом нервно потирал запястья и почёсывал недельную щетину, словно боялся, что та вдруг исчезнет вместе с лицом.

– Потихе, Зверь. Ты же знаешь, что любая встреча в ином виде была бы мгновенно обнаружена, – тонкая, почти женская рука легла воину на запястье. Тот дёрнулся, словно ошпаренный.

– А ну не тронь меня! Мерзость!

– Давайте не будем начинать, особенно перед прибытием Хозяина! Всё-таки мы здесь ради того, чтобы наше предприятие принесло свои плоды, а ради дела стоит потерпеть, не правда ли? – полноватый старичок явно весил меньше, чем навешанные на нём драгоценности. Одних колец, каждое из которых манило окружающих сиянием жёлтого металла, было больше двух десятков.

– Идол, ты же знаешь, что уговоры бесполезны. Зачем вообще стараться? Просто сиди и жди Хозяина-а-ахх... – глубокий зевок прервал и так слишком тихую и невнятную реплику. Мужчина был бос, штаны на нем сидели задом наперёд, а ряд пуговиц на рубашке был смещён на две, из-за чего левый край воротника торчал где-то у уха, а правая пола обметала колени. Да и вообще выглядел он, словно его только-только подняли с постели.

– А ты вообще молчи, Гом! Можно было прийти на встречу с Хозяином в более приличном виде? Бери пример с меня: чистый, опрятный, сияющий! Таким как ты должно быть стыдно даже появляться рядом со мной, не то, что говорить! – стоило отдать говорившему должное, его слова не были простым бахвальством. Натёртый до зеркального блеска панцирь, золотые ножны на поясе, тонкий и изящный обруч в волосах – всё в облике рыцаря свидетельствовало о достоинстве и могуществе.

– Заткнись, Монарх! Хозяину срать, как выглядят эти мешки с костями! – воин, названный Зверем, ткнул в собеседника пальцем.

– Вот-вот, – булькающие звуки донеслись откуда-то из пересечения множества подбородков с толстым и красным носом, – чёрт, почему мы не можем заказать пожрать? – свинячьи глазки жадно забегали по столам других посетителей, а точнее по стоящим на них тарелкам.

– Подумай хоть раз головой, а не желудком, Глотка. Нам в принципе нельзя контактировать с этим миром, мы нарушаем кучу правил, просто находясь здесь. Необходимо свести контакты с людьми до минимума, иначе всё дело может быть поставлено под угрозу, – подзатыльник, усиленный тринадцатью золотыми кольцами, приземлился на лысую, покрытую жировыми складками черепушку. То ли от силы удара, то ли от того, что четыре из этих колец сидели на самом коротком большом пальце, но один перстень с изображением

крылатого льва слетел и покатился по столу.

– О, какое красивое колечко, – седьмой, до сих пор молчавший член этого странного сборища, проворно схватил печатку и тут же сунул её куда-то в складки нищенских обносок.

– А ну верни кольцо, дрянь! – старик мгновенно пришёл в бешенство. Даже попытался дотянуться до бродяги через стол, но тот успел отстраниться. В следующую секунду мужчину уже схватили и посадили на место.

– А ну прекращай, Идол! У тебя этих побрякушек не счесть, да и вообще они не твои, а этого мяса! – воин стальной хваткой держал старика за плечо.

– А мне плевать! Оно моё! Пусть вернёт, тварина! Так нравится золото, надо было выбрать кого побогаче!

– Мне нравится не само золото, а то, что оно твоё, – парировал нищий, судя по движениям, пряча перстень ещё дальше.

– Уф, как захватывающе, – мелодичный голос, принадлежащий слащавому молодому человеку в слишком уж открытой одежде, раздался слева от Зверя. Тот опять едва не подскочил на месте.

– Отвали от меня! Мерзость... ну почему мне с ним сидеть? Пусть вон с Гомом сидит, ему-то точно плевать!

– Поздно спорить, – холодный голос раздался у воина за спиной. На этот раз мужчина, и правда, подпрыгнул, после чего резким движением развернулся и встал по стойке смир-

но, едва не опрокинув стул. Остальные шестеро не сильно от него отстали.

– Хозяин! – в унисон воскликнули они, явно собираясь опуститься на колени, но новоприбывший их остановил.

– Не здесь и не сейчас. Садитесь.

Восемь стульев скрипнули, и на секунду стол погрузился в тишину.

– Как идёт подготовка мира?

– Отлично, Хозяин, – рыцарь в сияющих доспехах с подбострастием поднял на мужчину глаза. – К началу для него будет устроен идеальный плацдарм.

– М? А почему тебе кажется, что это будет мужчина? – на холодном лице промелькнула ледяная улыбка.

– Просто предчувствие, Хозяин, – казалось, рыцарь забыл даже, как дышать.

– Расслабься, я шучу, – на это было несколько не похоже. – Вообще, да, скорее всего именно мужчина. Что с проблемой Источника?

– Почти решена, остались детали, – потерявший кольцо старик сейчас не смел даже подумать проявлять своё недовольство.

– Хорошо, – мужчина кивнул. – От светлых ничего не слышно?

Повисла небольшая пауза, но затем все семеро отрицательно покачали головами.

– Отлично, – на этот раз улыбка была уже куда шире, прав-

да всё такой же пустой и бесчувственной. – Сколько осталось до начала?

– По разным подсчётам, – рыцарь явно нервничал, – от четырёх до пяти сотен лет.

– Это не очень много, учитывая то, сколько мы уже ждём, – названный Хозяином снова кивнул. – Давайте сойдёмся на четырёх с половиной веках, хочу, чтобы к началу нового тысячелетия всё было готово. Сделаете?

– Да, Хозяин!

– Ну и славно. Тогда новая встреча назначается в двухтысячном году, последний раз проверим, как идут дела. Все свободны.

Из девятнадцати трупов, найденных в тот день, удалось опознать семнадцать. В числе прочих список посетителей местного морга дополнили: местный менестрель; главарь банды из соседнего города; представитель одного из благороднейших родов страны и купец, чьё богатство было сопоставимо только с его же алчностью. Остальные были простыми горожанами. Занимательно было то, что один из трупов не влез в катафалк и для него пришлось использовать телегу. Из двоих неизвестных один был нищим бродягой, без племени и рода, так что его никто особо и не старался опознать. А вот второй заслуживал отдельного внимания.

Кучер, который вёз его тело в морг, через пару недель сильно запил. Друзья не могли понять, в чём дело, ведь работал мужик уже много лет и навидался всякого, так что вряд

ли что-то могло выбить его из колеи.

Оказалось, могло. Однажды, напившись эля так, что едва из ушей не лилось, он рассказал своим собутыльникам страшную историю. Мол, когда вёз он труп из какой-то таверны, мертвец вдруг дёрнулся, открыл глаза и совершенно холодным, нечеловеческим голосом пробормотал что-то вроде: «Так вот что ты задумал...»

Кучер тогда, был грех, имел мысли ограбить покойника, потому как накануне сильно проигрался в карты, так что принял эти слова на свой счёт. Как добрался до морга, а потом до дома, не помнит, но жена говорит, что был бел, как смерть.

Конечно, ему не поверили. Как бы он не божился, чем бы не клялся, пьяницы вокруг лишь смеялись над ним. Так что через несколько дней он плюнул на всё и убедил сам себя, что ему привиделось. Наверное, оно и к лучшему.

Жизнь Первая.

– Итак, давайте ещё раз всё проверим, – низенький мужчина с начинающей лысеть головой, подбил несколько листочков и, в который уже раз начал читать обозначенную на них информацию.

– Давайте, – тяжёлый вздох и красная от постоянных потираний переносица полностью выдавали состояние его собеседника. Тот, впрочем, особо и не скрывал, что происходящее его, мягко говоря, достало.

– Семён Владимирович Лебедев, тридцать лет, гражданин России...

Всё это продолжалось уже слишком долго, но каждый раз, заполнив очередную графу пыточного листа, мужчина начал всё заново. Семён уже жалел, что повёлся на заманчивое предложение. Но отступить сейчас – значило, плюнуть на все свои страдания: на два часа тряски по пути сюда, час ожидания в приёмной и эти бесконечные часы в обитой красным деревом допросной.

– Всё верно, – в семнадцатый раз (да, он считал) Семён кивнул, подтверждая правильность данных. Либо его собеседник был полным идиотом, либо слишком сильно переживал за своё место, потому что других объяснений молодой человек не находил.

– Пожалуйста, скажите, какую религию вы исповедуете.

– Я – атеист.

– Жаль, – впервые мужчина показал хоть какие-то эмоции, – господин Борисов очень хотел, чтобы те, кто едет с ним, знали учение о Боге...

На лбу Семёна забилась жилка. Он не для того так долго терпел, чтобы провалиться из-за своего неверия в высшие силы.

– Если дело только в знании, то можете не переживать, – перебил он секретаря. Пожалуй, слишком резко и грубо. – Я знаю о богах больше, чем девяносто десять процентов тех, кто в них верит.

– А вот это уже занятно... – дверь, ведущая в соседний кабинет, медленно отворилась.

– Александр Павлович! – мужчина тут же вскочил и подхватил вошедшего под локоть. Стало ясно, что именно от этого человека зависело, будет ли эта повторюшка допрашивать следующего кандидата.

– Я ещё не помер, Миша! Прекрати этот балаган. Не позорь меня перед юношей.

Несмотря на его слова и довольно бодрый голос, старик явно стоял одной ногой в могиле. Кожа ссохлась и обтянула череп, волос не было, даже бровей и ресниц, а через уши была перекинута тонкая трубка, по которой в нос Александра Павловича Борисова поступал не дающий ему задохнуться кислород. Диагноз можно было поставить и без долгой врачебной практики. Старость в запущенной форме, со всеми вытекающими. Хотя, если бы Семён дожил до возраста своего потенциального нанимателя, не факт, что он вообще смог бы ходить. Родись этот человек на пару лет раньше, и у него бы получилось застать живого Чехова.

– Очень рад с вами познакомиться, Александр Павлович, – молодой человек вскочил с места.

– Я тоже рад. Не часто в это время увидишь юношу, увлекающегося религиями. Век технологий, как-никак, – даже эту коротенькую фразу старик говорил долго и с надрывом. Было видно, что ему больно. Но показывать свою слабость Борисов не хотел, так что Семёну только и оставалось сде-

лать вид, что он ничего не заметил. Вежливость – это взаимная ложь, от которой обоим собеседникам только хуже.

– Я, на самом деле, скорее, именно технарь. Инженер-конструктор по образованию. А религии – это что-то вроде хобби. Должно же быть у тридцатилетнего человека занятие на вечер. – Как нестранно старик не выказал ни капельки неудовольствия.

– Это неважно, совсем неважно. Главное – знания, а остальное – так, ерунда. Что у вас написано в дипломе не имеет никакого отношения к тому, что находится в голове. Миша, оформи юношу в нашу небольшую экспедицию, я и так вижу, что в его отношении нам волноваться не о чем.

– Но... – секретарь попытался было возразить, но Семён мысленно уже расслабился. Он тоже умел читать людей и прекрасно понял, что решения старика ничто не изменит.

«Эта поездка точно будет крайне интересной», – пронеслось у него в голове.

* * *

– Док!.. – чтобы в стуке двигателя можно было хоть что-то разобрать, Семёну приходилось надирать горло. Впрочем, за последние три года он уже более-менее привык. Пассажир дюнного вездехода дёрнулся и оторвал взгляд от проплывающих мимо бархан. На вид мужчине можно было дать лет пятьдесят, хотя могло быть и больше, и меньше. Седеющие,

но всё ещё густые волосы припорошил песок, а тонкие морщинки у глаз вызывали расположение собеседников.

Он открыл рот, чтобы ответить, но сразу поперхнулся обжигающе горячим воздухом. В пустыне даже дышать нужно было уметь. Семёну пришлось отложить все вопросы на несколько часов. Дальше ехали в молчании, слушая лишь шум мотора. Если втянуться, эта музыка неплохо подходила к окружающим пейзажам.

Три дня назад в Каире большая группа людей, в число которых вошёл и Семён, погрузилась на машины и стройной колонной отправилась напрямик в пустыню. Всё было, как он и думал: после приказа старика Борисова его безо всяких лишних разговоров зачислили участником экспедиции, выдали аванс и сказали подъезжать на место встречи в обозначенный день и час.

В принципе, кроме двух вещей, всё происходящее было для молодого человека рутиной: вот уже три с хвостиком года он занимался тем, что возил богатых туристов на частные экскурсии в пустыню Сахара. Первой странностью был необычно большой гонорар, почти вчетверо превышающий его стандартную ставку. Но никаких подвохов найти не удалось, так что Семён списал всё на сложности, связанные с состоянием старика. Всё-таки возраст, обозначаемый трёхзначными числами – не шутки.

Второй нестыковкой стало то самое дикое собеседование. Обычно всё было быстро и оперативно: он работал не сам

по себе, а через контору, так что с доверием к водителю проблем не возникало, а остальное его клиентов почти не интересовало. И уж точно не волновало их, какую религию он исповедует. Вспомнив о странном разговоре с Александром Павловичем, молодой человек не мог сдержать улыбки. Но и это можно было списать на странности клиента.

А потому особенно долго раздумывать не было смысла. Собрался, заправил свою рабочую лошадку, закинул в кузов несколько канистр с топливом, поел-попил, запер квартиру и поехал. С тех пор, как он покинул родину, Семён стал особенно лёгок на подъём.

И вот уже третий день колонна была в пути. Ехали не спеша: выезжали затемно, часам к одиннадцати останавливались, разбивали лагерь, пережидая под тентами в тенике самый солнцепёк, под вечер снова грузились и отправлялись в путь. Ещё несколько часов по постепенно остывающим пескам – и новый, теперь уже ночной, привал.

При других обстоятельствах такая вальяжность Семёна бы не устроила, но одна из машин – здоровенный грузовик на шести широких колёсах, везла в своих недрах не только запас топлива на две недели непрерывной езды всей колонне, но и много всяких полезных штук. А в дальнем углу машины примостился священный Грааль любого бедуина – холодильник. На привалах никто не отказывал себе в удовольствии выудить из него бутылку ледяной воды, бывшей на таком солнцепёке вкуснее любого алкоголя.

Так что ехали с комфортом, к этому нельзя было придраться. Вот только было кое-что, чего Семён никак не мог понять. Куда они ехали? Каир остался за спиной, вот только направление было выбрано так, что ни одна из известных ему достопримечательностей не находилась по пути. Только бескрайняя пустыня до горизонта, а потом граница с Суданом. И что?

Он, конечно, не ради этого нанимался, ты везёшь – тебе платят. Но ему совершенно не хотелось следовать примеру сказочного героя и идти туда, незнамо куда. Но секретарь старика молчал, как партизан, сам Борисов в путешествии вообще не выходил из машины, а все остальные участники экспедиции, включая водителя головной машины, также ничего не знали.

А потому Семён решил расспросить последнего кандидата на обладание информацией. Врач Борисова также был не слишком многословным, сразу по остановке скрываясь в машине старика. Если тебе сто с гаком, так и вози с собой доктора, зачем сажать его в другой автомобиль? Станный, конечно, дедок. Впрочем, у всех свои тараканы, и за столько лет немудрено накопить их слишком много.

Выругавшись про себя, Семён решил плюнуть пока на всё, так и так, до привала он ничего не выяснит.

Сняв с себя теперешнего весь груз ответственности, молодой человек положил локоть на изгиб двери и расфокусировал взгляд. Затормозить в случае чего он успеет, стаж и

большое расстояние между машинами сыграют свою роль, а пока можно с головой уйти в себя.

Несмотря на гнетущий зной, становящийся с каждой минутой лишь сильнее, на сухость во рту, от которой не спастись даже литром воды, на текущий под одеждой горячий и липкий пот – несмотря на всё это, главной и единственной ассоциацией, которую вызывали у Семёна окружающие их барханы, было море. Вечный и постоянно меняющийся океан песка затягивал взгляд, манил в свои смертельные объятия. Ему всегда нравилось это зрелище. Пожалуй, сложно найти человека, который бы занимался подобным делом и не испытывал благоговейного трепета перед пустыней. Просто потому, что иначе эта работа превращается в пытку.

Странно, всё-таки. Очень немногие местные жители могут выдержать такое, не считая всяких бедуинов и кочевников. А он, Семён Лебедев, родившийся и проведший большую часть жизни в Москве, где половину года снег с дождём, полюбил пустыню с первого взгляда. Но ему до сих пор не очень-то получалось объяснить, в чём состоит притягательность бесконечных песчаных волн. Единственное, что приходило на ум – фраза из великолепного старого фильма, который Семён пересматривал, наверное, раз пятнадцать, не меньше.

Океан не имеет памяти.

Песчаное море также было лишено этого недостатка. В песчаном океане не имело значения ни то, что с тобой было,

ни то, что с тобой будет. Бесконечное вверх-вниз с бархана на бархан словно убаюкивало воспоминания, лишало их силы, лишало значения, лишало влияния на человеческие жизни. А Семёну очень хотелось хоть на чуть-чуть вырваться из их оков.

* * *

Привал, как и всегда, разбили, когда дневной зной начал сдавать ночным морозам последние позиции. Машины остановились, на всё ещё тёплый песок попрыгали люди, засуетившись, как муравьишки. Молодой водитель был избавлен от этих хлопот – его главным и единственным делом был автомобиль. Под него он сразу и залез. Причиной того, что сегодня они с доктором не смогли нормально поговорить, был сломанный кондиционер в салоне. И без открытых окон авто превращалось в настоящую скороварку. Сейчас его задачей было разобраться с этим, а ужином займутся те, кто для этого нанимался. Доктор, как и раньше, тут же рванул в машину старика, но Семён знал, что сегодня мужчина вернётся пораньше – он явно был не из забывчивых и, наверняка, держал в голове, что его попутчик хотел что-то спросить. А потому заниматься машиной можно было спокойно.

Минут через сорок неисправность была устранена, и самопровозглашённый механик, вытирая руки спиртовой салфеткой, уселся на тёплый капот. Идти за ужином он не спе-

шил, порцию его всё равно не тронут, так что можно было с чистой совестью ничего не делать. Кстати, между этим занятием и привычным ничегонеделанием существует огромная разница.

Так прошло ещё полчаса. И только когда живот начал призывно урчать, Семёну пришлось прекратить своё увлекательное занятие. Однако, сегодня, похоже, сходить за ужином ему было не суждено. В свете фонарей показался доктор, несущий в руках две тарелки с чем-то дымящимся. Вряд ли что-то изысканное, но повар у экспедиции был хороший, так что давиться не придётся.

Протянув молодому человеку его порцию, мужчина присел рядом. Они, конечно, уже успели познакомиться. Доктора звали Вайдо Янсонс, так что догадаться о его происхождении было нетрудно. Прибалтика, издревле поставляющая миру янтарь, шпроты и шутки про медленных эстонцев. Впрочем, во всём кроме имени, он был самым обычным русским, так что с Семёном у них нашлось достаточно общих тем для разговоров. По крайней мере в те недолгие моменты, когда врач не страдал от жары и не занимался своим единственным пациентом.

Вот и теперь, в меру культурно поглощая горячую кашу, пара мужчин начала разговор. Банальные вопросы о самочувствии и жалобы на жару, перешли в более серьёзные – про спорт и политику, а когда на тарелках остались только чёрненькие чешуйки, Вайдо уже рассказывал неприличный,

но очень смешной анекдот про всё тех же эстонцев. За едой говорить о важном никто не хотел.

Но вот отнесена была обратно к полевой кухне посуда, и на несколько секунд опустилась неловкая пауза.

– Ты о чём-то хотел меня спросить, – не спросил, а констатировал Вайдо.

– Да. Док, вот скажи мне: куда мы едем? Я уже у всех спросил кроме тебя и самого старика, но никто ничего не знает. Я не так чтобы против, просто странно.

– Я тебе тоже ничего дельного не скажу. Максимум – ткну пальцем в горизонт, – мужчина усмехнулся. – Это, кажется, только сам Борисов и знает.

– А кто он вообще такой? Что за птица? – молодой человек задал новый вопрос, интересовавший его с самой первой встречи со стариком.

– Да так, ничего особенного...

– Ага, как же, – Семён усмехнулся. – Денег на такую экспедицию надо не просто много, а непозволительно много. Для братка из девяностых он уже стар. Для приближённого царя слишком молод. Кем он всё-таки был? Личным религиоведом вождя? – молодой человек улыбнулся, ожидая услышать тихий смешок в ответ на не слишком удачную, но в целом неплохую шутку.

Вот только реакция была совсем не такой, как он ожидал. Нет, страха во взгляде Вайдо, конечно, не было, но вся та расслабленность и вальяжность, передававшаяся мужчине от

прибалтийских предков, резко исчезла. Он напрягся, выпрямил ссутулившуюся спину и даже пару раз, от чего Семён едва не прыснул со смеху, покрутил головой, видимо, проверяя, не подслушивают ли их.

– Слушай, тебе оно точно надо? – что-то в его голосе настораживало даже больше, чем странное поведение, но от того любопытство разгоралось только сильнее. И молодой водитель не смог удержаться от соблазна.

– Рассказывай, чай, сейчас век свободного слова, – Вайдо явно колебался, но, в конце концов, естественное человеческое желание посплетничать победило.

– Ладно, слушай. Я работаю у него вот уже почти двадцать лет. Я пришёл на эту должность преуспевающим, но не слишком известным врачом, а сейчас на моем счету десятки статей в лучших медицинских журналах Европы. А Александр Павлович каким был, таким и остался, разве что морщин на лице прибавилось, да рак в следующую стадию перешёл. Думаю, что и в год моего рождения он был таким же – неприлично богатым и прилично больным. Если бы он захотел, то купить пару районов того же Каира для него не составило бы труда. И я, если честно, так и не смог хоть примерно понять, откуда у него такие средства, – на этих словах речь доктора превратилась в тихий-тихий шёпот, так что Семёну пришлось наклоняться вперёд, чтобы всё слышать. – Он – не бизнесмен, у него нет каких-то приносящих прибыль предприятий во владении, чёрт, да он основ экономики не знает!

Но при этом денег, которые он потратил при мне, выписывая десятки чеков, хватило бы нам с тобой на сотню безбедных жизней.

– Может, он – наследник какого-нибудь рода или что-нибудь вроде того. Сто лет назад в стране такое творилось, что я бы не удивлялся его теперешнему достатку. Золото белых или партии, – изучение религий требовало неплохого знания истории, так что Семён мог сделать пару предположений. Однако, Вайдо, как оказалось, тоже неплохо разбирался в предмете.

– Думаешь, я об этом не думал? Двадцать лет, парень. Я и куда более безумные догадки строил. Вот только не сходится ничего. Я ведь ради интереса целую исследовательскую работу провёл.

– И что? – от всей этой истории так отчётливо пахло тайной, что аж в носу свербело. Конечно, любопытство кошку сгубило, но Семён считал себя умнее усатой-полосатой.

– Ничего, – было видно, что доктор одновременно и крайне недоволен своим провалом, как детектива, и по-мальчишески радуется подобной загадке. – Вернее, как. Ничего не понятно. Он – не дворянин, не сын какого-то высокого члена собрания, даже не из богатой семьи. Судя по документам, он был самым обычным ребёнком в многодетной семье рабочих. Единственное, что его выделяло – незаурядный ум, но и тут нельзя сказать, чтобы он был прямо гением. Получил образование, прошёл войну, ничем особенным не отли-

чившись, а потом просто отгородился от мира. Занимался какими-то исследованиями, непонятно для чего, непонятно для кого. Но именно тогда начал богатеть. Единственное, что приходит на ум – спонсорство от каких-то шишек. Вот только штука в том, что в те годы богатеть было, мягко говоря, вредно. Террор уже прошёл, но и особо разгуляться было невозможно. А старик, тогда ещё парень вроде тебя, грёб ассигнации даже не лопатой – сразу экскаватором.

Шли годы, а он продолжал заниматься своим непонятным делом, всё также купаясь в рублях. На него не влияли ни инфляции, ни обвалы, он всегда оставался вне жизни обычных людей. Отправлял какие-то экспедиции по всему земному шару, я так и не узнал зачем. Но просто список пунктов назначения поражает. Все шесть континентов, едва ли не каждый обитаемый остров Тихого океана, Арктика, складывается ощущение, что он стремился прощупать вообще всю планету. И это при том, что страну окружал железный занавес, шла холодная война, и Союз ненавидела едва ли не половина мира.

Потом Горбачёв закончил семидесятилетний эксперимент большевиков, и сменилось тысячелетие. Где-то между этими событиями я стал его личным врачом. Ещё произошла куча всякого, и вот, судя по всему, его исследования подошли к концу. Потому как впервые за почти семьдесят лет старик лично покинул пределы страны. И сейчас мы с большой вероятностью едем туда, куда его привели десятки лет

изысканий.

Семён долго переваривал эту информацию. Рассказывать Вайдо умел, этого было не отнять. Описываемые им картины живо вспыхивали в воображении, и от того личность старика становилась только ещё более загадочной, как будто было куда «ещё больше». Но кое-что всё-таки можно было понять достаточно чётко. Он, Семён, и ещё куча народу направлялись к чёрту на рога по прихоти умирающего. С одной стороны, это всё было настолько занимательно, что больше походило на начало фильма про худшего в мире археолога. С другой же... ну, пожалуй, фраза: «это всё дурно пахнет», — идеально отражала ситуацию.

Дураком молодой человек не был и прекрасно понимал, как устроен этот мир. Законное и мирное исследование в принципе не может привлечь такое внимание, а уж тем более обеспечивать человека миллионами на протяжении десятков лет. Странно, глупо и полностью в духе человечества. Вот только даже его довольно неплохо развитое воображение пасовало перед необходимостью придумать подходящую цель изысканий.

Обменявшись с Вайдо ещё парой дежурных фраз, он пожелал доктору спокойной ночи и залез в машину. Спать Семён предпочитал именно так, убрав верх и наблюдая идеально чистое небо пустыни. Но сегодня звёздам не удалось привлечь внимание молодого человека. Даже засыпая, он не переставал думать о том, что они найдут там, в конечной точке

маршрута. Мозг подкидывал какие-то полубезумные догадки и сразу же отбрасывал их как совершенно несовместимые с реальностью. Сон упрямо не шёл.

* * *

Утро следующего дня началось обычно. Побудка, завтрак, сборы, и, когда солнце показалось на востоке, колонна уже с полчасика преодолевала барханы. Починенный кондиционер приятно охлаждал лицо. В машине теперь было относительно тихо и не нужно было дышать раскалённым воздухом пустыни. Вайдо в блаженстве откинулся на спинку сиденья, Семён изредка с грустью поглядывал на поднятое стекло.

Правда, теперь время можно было потратить на вещи более приземлённые. То и дело в кабине звучал смех, в дело шли интересные истории из жизни, анекдоты, обсуждения всего и вся. После вчерашнего разговора мужчины сдружились на почве общей тайны. Под хорошую беседу дорога, как известно, тает словно мороженное на солнцепёке, так что следующие два дня прошли совершенно незаметно. На привалах, разобравшись со своими делами, Семён и Вайдо продолжали болтать. Заводить новые знакомства оба не слишком-то хотели, придерживаясь политики: «Хороших друзей не бывает много, а знакомых много и не надо».

Но вот, утром седьмого дня, не проехав и трети обычной дистанции, колонна резко затормозила. Доктор выскочил из

кабины и рванул в сторону машины Борисова, потому как, так или иначе, остановка явно была связана именно с ним. Либо старику неожиданно стало плохо, либо...

— Мы на месте, разбиваемся, — высунувшаяся в приоткрытую дверь седая голова Вайдо разъяснила ситуацию.

— На месте? Где? Чем эта пустыня отличается от пустыни километр назад?

— Меня не спрашивай, я всё также ничего не знаю.

— Ладно, вылезаю.

Посреди однообразного пейзажа оперативно развернулся небольшой лагерь. Но на этот раз палатками и походной кухней дело не ограничилось. Из машин были выужены какие-то сложные приборы на треногах, непонятные структуры из зеркал, линз, призм и прочего непонятного оптического оборудования, на раздвижных столиках появились громоздкие компьютеры. Всё явно было очень серьёзно.

Все участники экспедиции, включая Семёна, были приставлены к делу, и компания собралась, мягко говоря, необычная. Ещё в начале путешествия, во время небольшой церемонии знакомства молодой человек заметил, что с ними едут не абы-какие люди. Кроме людей служебных: его самого, доктора, секретаря старика, повара и ещё пяти водителей — присутствовала настоящая группа захвата. Всё как в плохом американском кино: семь крутых парней в камуфляже, при оружии и все в боевых шрамах. К этим ребятам Семён, честно сказать, подходить боялся. Также присутствова-

ло больше десятка докторов наук самых разных областей от геологии до астрономии. В общем-то приятных людей, правда, в отличие от вояк и рабочих они не были русскими. К счастью, с языками у Семена всё было неплохо, так что объясняться с учёной братией он мог достаточно свободно. Всего, включая самого Александра Павловича, в поездке приняли участие двадцать восемь человек.

И сейчас двадцать семь из них копошились, что-то перетаскивая и устанавливая, то и дело сверяясь с подробным планом. План, естественно, составлял Борисов. Жара только-только началась, так что работать можно было без особого напряжения, а потому уже через три четверти часа всё было готово. Последний раз сверив всё со схемой, тот самый низенький мужичок, что мучал Семёна на собеседовании, открыл дверь головной машины и протянул внутрь руку.

Старик за эту поездку постарел больше, чем за последний десяток лет. Теперь он, и правда, больше походил на персонажа фильма «Мумия», чем на живого человека. Неделя в пустыне не может пройти бесследно, тем более в таком возрасте. Однако, его взгляд был ясен и чист, а рука, лежащая на плече секретаря, нисколько не тряслась. Дождавшись, пока все замолчат, он начал свою речь.

* * *

– Много лет я работал над, казалось бы, невозможным, —

голос старика дребезжал, словно неисправный патефон, но в нем буквально сквозила сила. Странное сочетание, но от того оно внушало только большее уважение. – И вот сегодня я, наконец, исполню свою мечту! Вы все не можете себе даже представить, какое это наслаждение – преуспеть после семидесяти лет упорного труда.

Повисла немного неловкая тишина, во время которой Борисов, порывшись во внутренних карманах, выудил оттуда толстенькую записную книжечку. Замусоленная, потёртая – её явно открывали и закрывали несчётное число раз. Однако, в остальном она была вполне...

Семён замер как статуя в музее восковых фигур. Стоило его взгляду сфокусироваться на кожаном корешке, как его сознание словно бы пронзили раскалённым прутом. Ощущение длилось всего мгновение, он даже не успел осознать боль, но воспоминание о произошедшем осталось буквально выжжено в сознании. Откуда-то сбоку раздался сдавленный кашель. Один из вояк с недоумением потирал висок, и почему-то Семён не сомневался: он испытал то же самое. Также как один из учёных, сейчас ошарашенно уставившийся на книжечку. Вот только кроме них троих остальные вроде ничего не заметили.

Но как? Ведь даже теперь, когда с ним всё было в порядке, он продолжал отчётливо ощущать от странного блокнота нечто... Иное. словно дымка миража закрывала коричневую обложку, не давая рассмотреть её внимательнее. А видел ли

сам старик это? Хороший вопрос.

– Здесь собраны плоды моего труда, – он раскрыл книжечку ближе к концу и прищурился, вглядываясь в строки.

А затем началась настоящая чертовщина.

– *Abbassiz abbissa imvo...* – Семён знал много языков, давались они ему легко, и мёртвый язык врачей, учёных и священников более-менее понимал. Борисов говорил на латыни. Вот только на латыни настолько исковерканной, что смысл понять было практически невозможно. И эти ошибки явно были сделаны намеренно, потому что произношение у старика было великолепным.

Он уже хотел открыть рот и выразить своё недовольство, когда понял, что тело отказывалось слушаться. Словно застревший в янтаре комар, молодой человек мог лишь едва-едва двигать глазами. И, судя по всему, все вокруг, исключая самого Александра Павловича, оказались точно в такой же ситуации.

«Это ведь глупо!» – так бы Семён крикнул, если бы мог открыть рот. Какие ещё заклинания на том, что так и хотелось назвать тёмной латынью? Они ведь не в фильме ужасов и точно не похожи на участников шабаша на Лысой горе. Вот только он и ещё двадцать шесть живых статуй превращали все аргументы в прах.

Между тем, кроме их неожиданного превращения в доисторических комаров, ничего не происходило. Старик всё также читал свою белиберду, но никаких феноменов, ожи-

даемых в подобной ситуации, не происходило. Ни молний с неба, ни столбов света, ни появления жутких монстров или тарелки НЛО. Со стороны они, должно быть, выглядели как самый внимательный класс на свете, с упоением слушающий учителя.

Десять секунд, двадцать, сорок. Ничего. Семён не знал, что творится в головах у остальных, но ему постепенно становилось просто дико смешно. Несмотря на всю дикость ситуации, несмотря на потенциальную возможность появления из земли огромных челюстей, ему хотелось хохотать. Но, казалось, его тело перестало даже дышать.

Спустя пять минут на смену приступу смеха пришло безразличие. Всё больше и больше это походило на представление профессионального гипнотизёра. От нечего делать, Семён перевёл взгляд с лица старика, уже красного от напряжения, на его руки...

И тут ему стало по-настоящему страшно. Да, в окружающем мире ничего не происходило, но теперь было понятно, что весь этот бред предназначался не для них, зрителей, а для этой самой потрёпанной книжицы. Мареву над ней не просто сгустилось, теперь оно испускало во все стороны лучи мутного, грязно-серого света. И от него ощущалась просто невероятная сила, подавляющая и гнетущая.

С каждой секундой свечение становилось только сильнее, постепенно распространяясь за пределы блокнота. Семён был почти уверен, что теперь его видят уже все присут-

ствующие. Секунды тянулись жутко медленно, сопровождаясь мерным расширением серого ореола. Спустя десять минут грудь старика уже скрылась за мутным сиянием, через двадцать можно было разглядеть только одетые в шлёпанцы ноги.

Когда сфера света коснулась песка, с ней начало происходить новое превращение. Границы сияния начали постепенно становиться чётче, а форма – меняться. Через четверть часа стало понятно, что это человеческая фигура, а потом обрисовались и более тонкие контуры.

Когда посреди лагеря, уже больше часа слышащего лишь монотонное бормотание старика, материализовалась женская фигура в изысканном платье, с Семёна сошёл уже даже не седьмой, а двадцать седьмой пот. От гостьи чувствовалась такая мощь, что хотелось опуститься на колени и вжаться лбом в землю. Правда, уже спустя несколько секунд, ощущение пропало. Как и серое сияние. Как и массовый паралич.

* * *

Женщина, появившаяся из того жуткого сияния, не двигалась с места. Кошунством было бы предположить, что она парализована, как были все они мгновение назад. Но в ясных голубых глазах не было ни капельки жизни, словно они принадлежали кукле. Это, впрочем, ничуть не лишало её привлекательности. Даже довольно консервативный наряд

не мог скрыть совершенных изгибов её тела, а лицо, сейчас больше похожее на маску, едва ли не светилось красотой.

Во взгляде Борисова сияло торжество. Даже если его задумка пошла не по плану, это всё равно было невероятно. Но Семён, как, скорее всего, и все остальные, прекрасно понимал, что всё прошло идеально и случившееся – лишь начало чего-то куда более масштабного. Вот только они находились не в голливудском фильме и главного героя, который бы успел в последнюю секунду победить злого гения, пока тот произносит победную тираду, среди них не было.

Несмотря на то, что окаменение прошло, никто не спешил бросаться на старика с кулаками, выбивать у него из рук бесовскую книгу или пытаться что-то сделать с непонятной женщиной. Все без исключения, даже бывалые солдаты, попадали на колени от полного истощения. Внутренние ресурсы организма были полностью исчерпаны. Не то, что куда-то бежать, сейчас просто биение сердца выжимало последние силы. Слишком уж жутким был для них последний час.

Старик, тем временем, не стоял на месте. В нём словно открылось второе дыхание, а тело помолодело вдвое: один, без помощи своего секретаря, он бодрым шагом направился к расставленной немного в стороне аппаратуре.

– Зачем? – слова одного из учёных, того, что, как и Семён, заметил странность записной книжки до начала того ритуала, были похожи скорее на хрип, чем на человеческую речь. Но Борисов услышал и понял вопрос.

– Чтобы никто ничего не заподозрил, – он не отвлекался, сухие, сморщенные пальцы летали над клавиатурой, вероятно, снося все системы под ноль. – Моё имя после сегодняшнего дня не должно быть запятнано. Наша экспедиция просто оказалась неудачной. Песчаная буря, нападение боевиков, взрыв топлива. Они придумают, что написать в газеты. Всегда придумывали. А главное, вы все должны были оставаться в неведении до последнего момента, иначе кто-то мог мне помешать. Я, в конце концов, не чемпион мира по борьбе.

Семён не мог винить старика за излишнюю разговорчивость. Если бы его план, вынашиваемый столько лет, наконец, осуществился, он бы тоже не преминул поделиться своими мыслями. Да и, в конце концов, это не было такой уж большой тайной.

– А зачем мы? – другой доктор наук, обливаясь потом, смог произнести не одно, а целых три слова.

– Вы – топливо. Иначе ритуал было не провести. Однако, думаю, на этом наша гостя не остановится и вас ждёт ещё много интересного. – Довольно потирая руки, Борисов кивнул в сторону всё ещё неподвижной женщины. – Но это когда она очнётся, конечно.

– Кто она? – Вайдо был тем, кто задал этот, интересующий всех, вопрос.

– Она? Богиня, конечно, кто же ещё? Я думал, вы умнее, добрый доктор. Единственное истинное божество среди всех

существующих божеств всех существующих религий! Я посвятил этому столько лет... вот вы, молодой человек. Вы говорили, что немало знаете о религиях. Скажите всем присутствующим, сколько существует в мире разных верований?

– Тысячи, – выдавил из себя Семён, прокрутив в голове все накопленные знания о культурах разных стран и народов.

– Именно! – старик явно наслаждался происходящим. – Невежественные люди считают, что кроме христианства, ислама, буддизма и ещё нескольких, других массовых верований нет. Но вы сказали совершенно верно, мало того, что каждая из этих огромных религий делится на множество ветвей, так ещё существуют сотни самостоятельных потоков. Хасидизм, хайманот, фарисейство, квакерство, азракиты и суфриты, калам, легизм, шаманизм, инки, сатанизм, тхеравада, лютеранство, майя, нитирэн-сю, греки, сингон, шактизм, вайшешика, бон, баптизм, санкхья, розенкрейцеры, тарикат, зороастризм, езидизм, древние египтяне, синтоизм, австралийские аборигены, хоа-хао, дигамбары, вуду, дин-и иллахи, айтеки, борбориты, нетурей карто, скандинавские язычники, тантризм, шумеры, оккультизм, джаинисты, бурханизм...

Он говорил без остановки, называя в разноречивой верованиях всех эпох и континентов, кажется, даже не переводя дыхание. Семён безо всякого стеснения называл себя человеком, глубоко разбирающимся в проблеме. Но тут нельзя было не признать – шесть лет хобби не могли сравниться с се-

мьюдесятью годами одержимости. Казалось, что внутри старика включилась старая скрипучая грампластинка, настолько быстро и чётко он проговаривал все эти, под час крайне сложные, названия. Несмотря на возраст, память у него была великолепная, где-то на сотой религии Семён сбился, но этот монолог продолжался потом ещё минимум пару минут. Пока, наконец, Борисов не осознал, что, мягко говоря, увлёкся.

– Кхм... да. О чём я? А! Так вот, религий тысячи, и почти все они в чём-то правы, а в чём-то ошибаются. Но я, Я! Я нашёл истину! Благодаря мне этот мир снова увидит свою единственную богиню!

– Верно, старик. И первыми этой чести удостоились вы.

* * *

Голос пленительный и чарующий, звучащий словно бы не в головах, а в сердцах человеческих. Не требовалось долго думать, чтобы понять, кто вступил в разговор.

– Госпожа! – старик словно забыл про разваливающееся столетнее тело, устремившись вперёд и рухнув на колени прямо перед божеством.

Да, без прикрас и преувеличений, она была богиней. И причиной была не красота, после пробуждения незнакомки ставшая ещё ослепительней. Семён испытывал нечто похожее лишь раз в своей жизни, когда полгода назад попал в песчаную бурю. Ощущение своей полной ничтожности и беспо-

мощности перед лицом неукротимой стихии. Тогда он уже прощался с жизнью, ощущая, как подёргивается его машина, угрожая оторваться от песка и улететь в небо. Благо, бедствие захватило молодого человека лишь самым своим краешком. Но сейчас он и все присутствующие находились буквально перед ликом живого шторма.

– Ты хорошо поработал, старик, – на её губах промелькнула мимолётная улыбка. Впрочем, Борисову хватило и этого: его глаза тут же увлажнились, а лицо исказила гримаса блаженства. – Посмотрим, что у нас тут...

Ясные голубые глаза окинули толпу замерших от шока и страха людей. В раскалённом воздухе запахло мочой и рвотой, не всем хватило мужества и крепости кишок, чтобы выдержать этот взгляд. Чуть вздёрнутый носик богини сморщился, и те четверо, что продемонстрировали слабость своего нутра, рухнули на песок. Вероятно, мёртвыми.

– Кто из вас смог ощутить меня заранее?

Постановка вопроса была очень странной, пока Семён не вспомнил марево, закрывавшее книжечку Борисова. Он, и правда, увидел его ещё до начала всего этого. Скрываться и врать не было ни сил, ни возможностей, ни желания. Да и вряд ли в этом был бы хоть какой-то смысл. В воздух поднялась его нетвёрдая рука. Спустя пару секунд руки подняли ещё трое. Кроме бойца и учёного, которых молодому человеку удалось вычислить, был ещё один «счастливчик». Вайдо Янсонс, доктор, с которым Семён так сдружился за эти дни.

– Четверо? Как занимательно... – в голубых глазах, и правда, вспыхнули искорки интереса. – Знаете, в честь моего возвращения я хочу одарить одного из вас. Будем считать это, скажем так, приветственным подарком. Встаньте.

Стоило мысли о том, что это невозможно, родиться в сознании, как Семён уже ощутил невероятный прилив сил. Он даже не знал, с чем это можно сравнить.словно пустыня разом превратилась в колышущийся океан живительной энергии. Он не встал, он вскочил с горячего песка. Хотелось прыгать, бегать, делать что угодно, лишь бы хоть немного уменьшить полыхающее в мышцах пламя.

Он был не один такой. Ещё три фигуры сейчас приплясывали на месте, не в силах сдерживать свои порывы. Вот только что-то подсказывало Семёну, что ничем хорошим это не закончится. Предчувствие его не подвело.

– Я сказала про подарок одному из вас, но кто именно его получит – решать вам, – чарующий голос богини не допускал вариантов. – Приз получит сильнейший, остальных ждёт смерть.

На секунду воцарилась полнейшая тишина, нарушаемая лишь диким биением сердец и шелестом рассыпающегося в труху автомата спецназовца. Ни у кого не возникло даже мысли о том, что эти слова – просто жестокая шутка. В голосе божества был слышен непреодолимый приказ, нарушение которого приравнивалось к страшнейшему из грехов. Семён буквально ощутил, как затрещали его кости, а волосы на го-

лове встали дыбом, когда вся мощь этого указа обрушилась на его смертное тело.

А затем, словно снятое со стоп-кадра кино, мир закружился в бешеном танце.

Учёный, до этого выглядевший пусть взволнованным и испуганным, но не потерявшим достоинства, превратился в едва шевелящийся комок стонов и причитаний. Видимо, он только сейчас понял, что происходящее вокруг – не сон и не розыгрыш.

Боец, напротив, не испытывал никаких сомнений. Наоборот, в его глазах читалась неприкрытая агрессия и жажда чужой крови. Жуткое зрелище, особенно когда у такого человека в руках армейский нож. Лишь война могла столкнуть двух таких непохожих персонажей в таких первобытных обстоятельствах. И не было никаких сомнений, кто выйдет победителем из этой схватки.

Рукоять кинжала с тошнотворным хрустом врезалась в череп доктора наук. Двенадцать дюймов стали к тому моменту уже были внутри его серого вещества. Свернувшееся калачиком тело обмякло и затихло. Этот, наверняка, выдающийся человек уже никогда не сделает ни одного открытия.

Зрелище это было страшным, вот только сейчас Семёна волновало отнюдь не оно. Неуклюжими движениями, покрывая ладони порезами, молодой водитель отмахивался от скальпеля, крепко сжатого в руке Вайдо Янсона.

В глубоко посаженных глазах доктора горел страх. Похо-

же, сейчас ему было плевать на все награды и призы. Он просто не хотел умирать. Тот, кто всю свою жизнь спасал людей, перед лицом смерти предал данную когда-то клятву «не навреди». Желание жить – величайшее стремление всего, что этой жизнью обладает, взяло верх над моралью, этикой, товариществом и всем тем, что бережно взращивала в человеке цивилизация. Перед лицом смертельной угрозы показали все те первобытные инстинкты, что обычно мирно спали внутри. По крайней мере так случилось с доктором.

А вот Семён... он был в порядке. Более чем в порядке. И это его пугало куда сильнее, чем искажённое страхом лицо доктора. Два пальца уже перестали ощущаться, по рукам стекала тёплая и липкая кровь. Но Семён продолжал вновь и вновь задавать себе этот вопрос. Почему он в порядке? Учёный, не способный в последнюю секунду перед смертью перестать рыдать и пачкать рубашку слюнями. Солдат, с остервенением покрывающий его труп десятками ударов. Доктор, с диким, болезненным смехом умалишённого пытающийся всадить молодому человеку в горло острое лезвие.

Чем он, простой водитель, неплохой инженер и плохой муж, чем он заслужил эту муку: кристально чистым разумом осознавать чужое безумие? Это не был страх, не отвращение, не пренебрежение... он не испытывал к этим людям ненависти или жалости, не хотел их смерти. Но не хотел и их спасения. Он просто смотрел. Даже не так. Он наблюдал. Как исследователь, постукивающий по стеклу клетки с красногла-

зыми крысами.

Семён не пытался сделать ничего, что бы изменило ситуацию в ту или иную сторону, лишь по мере сил закрывал шею и лицо от ударов скальпеля. И то не ради выживания, а потому что ему хотелось как можно дольше наблюдать за творящимся безумием. Даже сердце билось ровно и чётко, словно не висела на волоске его жизнь. И это состояние было самой настоящей пыткой. Где-то там, очень глубоко, молодой человек бился в дикой агонии, словно бы со стороны наблюдая за движениями собственных рук. Боль была не физической, но от того казалась в сотни раз страшнее. Ощущение пустоты разрывало его на части, затем собирало по кусочкам и снова дробило миллионами осколков.

Он не знал, сколько это длилось, но, когда пришёл в себя, представшая перед его глазами картина была, мягко говоря, неприятной. Все три тела, включая уже давно мёртвого учёного, растекались по песку неясным кровавым месивом, в котором угадать человека можно было только по обрывкам одежды. Судя по всему, соревнование подошло к концу. Вот только победитель был уж слишком неожиданным.

– Ты мне нравишься, – горячее дыхание обожгло Семёну ухо. Дёрнувшись, словно ужаленный, он на одних рефлексмахнул себе за спину рукой. Однако, кулак, вместо того чтобы встретить сопротивление, прошёл через пустоту. Богиня стояла на том же месте, что и раньше.

– Почему? – сил, ещё недавно бивших через край, теперь

хватило только на едва слышный шёпот.

– Ты – единственный, кто сохранил ясность рассудка. Это похвально. Я предпочитаю разум мышцам.

Тонкий женский силуэт сейчас сидел в глубоком кресле с высокой спинкой. Семёну такие всегда очень нравились. В детстве, он это отчётливо помнил, такое стояло в доме его деда. Красивое, чем-то похожее на раскрывшего пасть бегемота, уже тогда очень старое, но от того только более удобное. Не раз и не два отец находил его уснувшим в этом пережитке старинного максимализма. К сожалению, тот дом, а вместе с ним и кресло, исчезли в пожаре. И вот сейчас Она заняла его любимое место. Было ли это простым совпадением, или эти воспоминания были как-то выужены из его головы – он не знал и не хотел знать.

– Нет, – потребность ей возразить поднялась откуда-то из самых глубин его души. – Я потерялся в собственном бездействии. Это не то же самое. Я проиграл.

– Как ты смеешь ставить под сомнение... – Борисов, словно дворецкий, стоявший за плечом богини, попытался вставить свои пять копеек. Старик явно испытывал к этой женщине не страх и благоговение, а самую настоящую любовь.

– Молчать, – её голос был, как и раньше, твёрд и строг. – Я, кажется, сказала, что победителем становится тот, кто выживет. Так что это ты.

– Мне ничего от вас не нужно, – молодой человек сам поразился своей наглости.

– Почему же? Я могу подарить тебе богатство, славу, женщин, вечную жизнь! Всё, о чём мечтают другие может стать твоим, – она не уговаривала, просто констатировала факты. Но именно поэтому его отказ на этот раз был ещё более грубым.

– Нет. Я не хочу заключать сделок ни с богом, ни с дьяволом. Можете превратить меня в подливку для спагетти, как этих бедолаг, но я пас.

– Да уж... – она чуть наклонилась вперёд. – Из них всех ты точно лучший. Знай же, что и это испытание ты прошёл. А теперь – до скорой встречи.

И это были последние слова, что Семён Лебедев услышал в этой жизни.

Глава 1

Пробуждение было... никаким. Сплошная пустота, такая, какой атеисты описывают посмертие. Единственное отличие – полностью рабочее сознание, оказавшееся запертым в клетке без зрения, слуха, осязания... правда, вместе с чувствами пропало и ощущение времени, так что подобное существование не было для Семёна тягостным. Он думал обо всём, что произошло: о богине; о старике Борисове, сейчас, вероятно, всё ещё лижущем этой женщине пятки; о бесславной смерти доброго доктора Вайдо, не перенёсшего страх смерти; об остальных участниках экспедиции, чьи судьбы, вероятно, были ничуть не лучше...

Конечно, он думал и о себе. О том, был ли он сейчас мёртв или жив; о том, как глупо повёлся на большой гонорар, хотя глубоко внутри всегда подозревал, что дело нечисто; о том, что вообще привело его в Каир; о той, что осталась там, на родине. Много мыслей. Пожалуй, даже слишком много. Слишком много для одного сознания, витающего в бесконечном ничто.

Но нет в этом мире абсолютных вещей, и даже вечность имеет привычку заканчиваться. Вначале пришло странное ощущение присутствия. Неопределённого, эфемерного, едва различимого. Ничто с большой буквы исчезло, заменившись тьмой и тишиной, а значит, он сам стал чем-то реаль-

ным. Похоже, наградой божества всё-таки была не смерть. Что же, он этого не просил, но пусть будет так.

Вскоре простое ощущение начало разрастаться. Неясные толчки, какие-то покалывания, шевеления где-то на краю восприятия. Затем тьма уступила место цветным пятнам, кругам на черном фоне, непонятным фигурам, слишком аморфным, чтобы можно было их разобрать. Однако сам этот процесс был настолько занимательным, что Семён даже не думал о времени, полностью погрузившись в происходящие с ним перемены. То и дело сознание проваливалось куда-то глубоко, лишая его удовольствия наблюдения за этими почти магическими трансформациями. Вместо этого он видел сны. Очень реалистичные, словно бы кинозаписи чьих-то воспоминаний. Иногда его собственных, иногда принадлежавших другим людям, иногда кому-то совсем непонятному.

А потом он понял. Ему часто снились последние минуты: паралич, богиня, схватка с Вайдо, бессмысленный спор с высшим существом. Чаще всего всплывала в сознании та беспомощность, которую ему довелось испытать. Этот раз не стал исключением. На него падал скальпель. Острая, даже на вид, блестящая хирургическая сталь, вопреки своему предназначению, готовая оборвать чужую жизнь. Обычно Семён не успевал защититься, металл вгрызался в шею, и сон заканчивался. Но теперь что-то изменилось. Что именно, он понял, лишь очнувшись и какое-то время пытаясь по-

вторить ощущение. Ощущение руки. Его руки, выброшенной навстречу смертельному лезвию.

Получилось не сразу, не с первого и даже не с десятого раза. Но, в конце концов, он смог почувствовать её. Собственную правую руку. А затем его разум снова окутал сон, на этот раз – без сновидений.

Он был ребёнком. Вернее, плодом в женской утробе, медленно развивающимся в новый живой организм. Там, на Земле, Семён Лебедев не был полным профаном по части современной литературы и начинал читать пару книжек, в которых главной идеей было перерождение человека в другом теле и, зачастую, мире. Тогда ему не понравилось, слишком уж фантастически выглядела эта концепция, куда невероятнее, чем путешествия во времени или магия. Однако, сейчас всё было иначе.

Даром богини стало новое рождение. Вторая попытка, если так можно выразиться. Действительно, невероятный приз. Вот только заслужил ли он его? Сотни раз он пытался отбросить эти мысли, говоря себе, что уже ничего не исправить и не повернуть назад. Потому что понимал, что, когда ответ будет дан чётко и однозначно, это навсегда изменит его. Но звук втыкаемого в тело армейского ножа и безумные глаза доктора Вайдо Янсона не позволяли ему оставить это позади.

Он не был святым и честно признавался, что соблазн новой жизни был для него огромен. Ту, старую жизнь, он ис-

портил, и шанс начать всё заново казался настоящим благословением. Вот только достоин ли этого он, Семён Лебедев, тридцатилетний инженер из Москвы?

Сколько времени он провёл в этом самокопании, никто не смог бы сказать. Но в результате ответ всё-таки был найден. И ответом было слово: «Нет». Дело было не в количестве смертей, лежащих на чашах весов. И даже не в том, была ли та, первая его жизнь, хорошей или плохой. Он просто не имел права решать. Не имел полномочий распоряжаться чужими судьбами.

Он думал, что разрешение этой дилеммы даст облегчение, но всё было с точностью до наоборот. Ответственность за чужие жизни легла на его плечи непомерным грузом. Три человека, может быть, не лучших, может быть, совершавших ошибки, может быть, даже заслуживающих наказания. Но точно не заслуживших смерти. Они словно встали за его спиной. Молчаливые, неподвижные, готовые в любую секунду обвинить в неправильном распоряжении их жизнями. И только после того, как он дал самому себе обещание прожить новую жизнь достойно и не допустить старых ошибок, настолько твёрдое, насколько мог представить, стальные тиски, сдавливающие разум, немного ослабли.

Только тогда он смог вернуться к созерцанию поистине магического события: появления новой жизни. Его собственной жизни. Вряд ли существовал в истории другой человек, способный изнутри проследить процесс развития че-

ловека от зародыша к новорождённому. Уроки биологии в школе Семён слушал вполуха, да и вряд ли строгая учительница в черепаховых очках стала бы расписывать этапы развития плода. Но кое-что в его мозгу всё-таки осталось. К примеру, то, что сейчас размером он, вероятно, не превышал ноготь. Ведь ему совсем недавно удалось почувствовать собственное тело, а значит, и развивался он ещё совсем недолго.

Отдельного рассмотрения заслуживал вопрос о том, чем же он думал, если нормальные мозги должны были появиться значительно позже. Где хранились воспоминания за тридцать лет? Как он мог формулировать стройные фразы и предложения? Ответ, однако, был столь же очевиден, сколь и невероятен: думало не тело, думала душа. Хотя, с другой стороны, это было достаточно логично. Иначе сам феномен перерождения оказывался полнейшим бредом.

Итак, души существовали, а земные атеисты жестоко ошибались. Впрочем, существовала и эта конкретная богиня, тут ошибались вообще все, кроме старика Борисова. Но сейчас не это должно было его волновать. Он – это душа в оболочке длиной в несколько сантиметров, находящейся внутри женского тела. Такую матрёшку сложно было бы представить даже в самой жуткой психоделике.

Но, с другой стороны, это давало новые идеи для размышлений. К примеру, вот люди, находящиеся в коматозном состоянии, они лишились своей души? Или она в них просто... что? Уснула? И куда попадают души после смерти? Потому

как его случай явно следует считать исключением из правила. Означает ли это, что существуют рай и ад, или хотя бы некое их подобие? И может ли он существовать вне тела, как призрак?

Сотни вопросов, никаких ответов. Впрочем, это лишь подогревало его любопытство. С нескрываемым интересом он наблюдал за происходящими изменениями: за улучшением зрения, появлением слуха, осознанием своего организма. Со временем мир, раньше заключённый внутри маленького тельца, стал расширяться. Мерное сердцебиение его матери, розовато-красное марево перед глазами, когда «снаружи» был день и темнота ночью, ощущение верха и низа, скрадываемое окружающей его жидкостью, толчки и покачивания от передвижений женщины, теплота от прикосновений её рук.

Он слышал и другие звуки, неразборчивые из-за преграды плоти: чьи-то разговоры, шум улиц, музыку, очень приятную и мелодичную, хотя фанату рока не хватало басов и ударных, стуки, скрипы, иногда стоны, достаточно откровенные и вполне однозначные.

Его убежище становилось всё меньше и меньше. Вскоре, чтобы просто пошевелить руками, приходилось прикладывать большие усилия. Хотя, конечно, это он сам рос. Вскоре уже должно было подойти время его рождения.

Сказать, что он был в предвкушении – значит, ничего не сказать. Какой будет его новая семья? Будут ли у него братья

или сёстры? Был ли мир, в котором он оказался, ещё Землёй или божество обслуживало не только Солнечную систему? Вопросы, вопросы, вопросы... снова эти загнутые палочки в конце фраз. Нигде от них было не спрятаться.

Но когда стенки его, теперь уже, скорее, темницы, в первый раз конвульсивно сжались, он понял, что вскоре сможет получить хоть какие-то ответы.

* * *

Говорят, что роды для женщины – один из самых болезненных процессов, какие только бывают на свете. Так вот он теперь мог сказать, что для младенца это тоже не самое приятное действо. Схватки становились всё сильнее, казалось, что его просто раздавит. Когда-то бывшее таким большим и просторным пристанище превратилось в пыточную камеру пострашнее железной девы.

Снаружи было очень шумно. Топот чьих-то ног, строгие и спокойные приказы, видимо, врача, стоны, странно, но почему-то мужские... однако громче всего этого, конечно, были женские крики. Несложно было догадаться, кто их издавал. Он не знал, оставила ли его природа мужчиной, но слушая эти звуки, искренне на это надеялся. Да и жить в женском теле разуму тридцатилетнего мужчины было бы довольно неудобно.

Наконец, ситуация начала меняться. А если точнее, нача-

ло меняться его положение. Он уже довольно давно висел вниз головой и, в общем-то, привык к этому, но сейчас дело было в другом. Схватки, наконец, возымели эффект, и маленькое тело толчками отправилось к... выходу.

Свет залил глаза, слишком яркий после месяцев полутьмы. Непроизвольно, скорее всего на чистом рефлексе, он открыл рот, из которого, вместе с немного вязкой жидкостью, вырвался его первый крик. Вокруг раздалось одобряющее кудахтанье акушеров, но почему-то оно очень быстро смолкло.

Но думать о причинах этого не было сил. Свет не давал сосредоточиться, организм, привыкший к существованию в подвешенном состоянии, быстро наливался тяжестью, клонило в сон. И когда его бок ощутил такое знакомое тепло, стало понятно, что дальше бороться с усталостью уже нет сил.

* * *

Вокруг мелькали пятна. Размытые, словно бы видимые из-под воды, лишённые насыщенного цвета, какие-то странно ненатуральные и как будто нарисованные. Однако, определить в этих пятнах людей было совсем не сложно. Они ходили медленно, на цыпочках, но всё равно не могли стать совсем бесшумными. Дыхание, шуршание одежды, редкие причмокивания или почёсывания. Для него, совершенно

не представляющего, чем занять голодный до информации мозг, такие детали походили на живительную влагу для умирающего от жажды. Теперь, когда он стал настоящим, отдельным человеком, та блаженная расслабленность, что ощущалась в мамином животе, бесследно пропала. Хотелось исследовать мир вокруг, пощупать и потрогать вообще всё, что только можно, а может быть даже обнюхать и облизать.

Единственное, что омрачало предвкушение будущих открытий – навязчивое ощущение, что что-то не так. Он лежал в палате с ещё несколькими новорождёнными, они кричали, приходили взрослые, кажется, кормили малышей, те замолкали. Его самого тоже несколько раз поднимали и на языке ощущалась невероятно приятная сладость грудного молока. Вот только между ним и остальными младенцами была одна разница. Мимо его кровати люди старались перемещаться как можно медленней и тише.

Нет, конечно, тут вообще никто не бегал и не кричал, но разница всё равно ощущалась. И он лучше многих знал, что означала такая осторожность по отношению к пациенту, не важно, родильного или любого другого отделения. Он и сам когда-то точно также, почти непроизвольно, вдавливал пальцы в подошву тапочек, чтобы их задники не шлёпали по полу и прижимал к груди пакеты, чтобы не так сильно шуршали.

Причина могла быть лишь одна. Болезнь. Не успев появиться на свет, он уже чем-то болел. Однако пока, в новой среде, с кучей раздражителей, было сложно даже нормаль-

но ощущать своё тело. К примеру, он так и не смог ощутить боль от перерезанной пуповины, хотя это должна была быть часть его организма, как палец или ухо. А потому понять, что именно не так, было невозможно. Так что оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что в итоге всё образуется.

* * *

Внутренние часы в этом маленьком теле работали отвратительно. А с учётом того, что он часто засыпал от усталости и безделья, определить, сколько прошло времени с рождения, было невероятно сложно. Может пара недель, может месяц. Радовало, что пятна постепенно приобретали всё более чёткие очертания, а ручки и ножки начинали хоть как-то слушаться его команд.

Однако, сегодняшнее размеренное существование младенца было прервано. Над его кроваткой сгрудилось сразу много пятен. Они о чём-то возбуждённо и тревожно гудели, язык был совершенно незнакомый и непонятный, хотя и красивый. Какое-то время говорил один человек, судя по всему, мужчина. Но голос был незнакомый.

Его подняли в воздух, совсем непрофессионально, грудь тут же заболела от слишком сильного сжатия. Судя по тому, что ладони были грубыми и большими, это был тот незнакомец. Перед глазами мутнела смесь разных цветов, но одно можно было сказать точно: борода присутствовала. Несколько

ко фраз, оставшихся без ответа, похоже, были адресованы младенцу. Никакого сюсюканья, никаких ути-пути.

А потом тело затопило невыразимо приятное тепло. Словно бы каждую клеточку хорошенько отпарили в бане, а потом напоили вкусным сладким чаем. Невероятное блаженство, ни разу не испытанное в прошлой жизни. Почему-то он был уверен, что это дело рук его нового гостя.

К сожалению, в конце концов, блаженство закончилось, его положили на место, а взрослые пятна вышли из палаты. Судя по его опыту, сейчас должно было происходить объяснение с родственниками, в данном случае, родителями. Естественно, ничего слышно не было, но даже если бы и было, он бы все равно ничего не понял.

Тёплый мужчина приходил ещё трижды, и ещё трижды маленькое тело купалось в наслаждении. А потом визиты прекратились. Судя по тому, что громкость передвижения окружающих так и не изменилась, пользы от этих посещений, кроме, непосредственно, удовольствия, не было никакой.

* * *

Где-то неделю назад пятна окончательно превратились в нормальные человеческие силуэты. Странно было видеть настолько огромных людей, но вскоре он привык. Хождение на цыпочках не прекратилось, но перешло в новую стадию. Это

он тоже помнил. Когда человек был уже не в силах продолжать искренне переживать о больном, его шаги становились особенно широкими, словно он старался как можно быстрее убраться из запретной зоны.

Лишь три человека продолжали относиться к нему также трепетно и нежно. Первой была престарелая акушерка, женщина, в которой, даже с учётом поправки на габариты «взрослых», всё казалось слишком большим. Высокая, шириной плеч и размером рук больше похожая на профессионального воина, с густо-красным носом, постоянной улыбкой во все тридцать два зуба и раскрытыми, словно в вечном удивлении, глазами. Слух отлично работал с самого рождения, и пусть он не знал языка, выяснить, как её зовут, было несложно. Имя большой акушерки было Таракис, и оно ей невероятно шло. Она единственная из всего персонала продолжала нянчиться с ним не по долгу службы, а потому, что искренне этого хотела.

Вторым был невысокий мужчина с роскошными русыми бакенбардами, смеющимися искорками в глазах и мелодичными переливами в голосе. Этого человека он знал уже очень долго. Именно его голос чаще всего звучал рядом. Пожалуй, стоило бы называть его папой, но на вид молодому человеку было максимум лет двадцать пять, так что на такое обращение просто не поворачивался язык. Всё-таки опыт прожитых лет давал о себе знать.

Однако, был ещё один человек. И вот её называть мамой

ему ничто не мешало. Она не была особенно красива. Скорее тут было бы уместно слово «тонкая». Тонкие пальцы, тонкие руки, тонкий стан..., и вся она, от образа до поведения, была преисполнена этой особой тонкости. Той тонкости, с которой старый хирург делал надрез, спасающий жизнь пациенту, а юноша прижимал к себе любимую. Невероятная мягкость и аккуратность, в которых, так глубоко, что почти невозможно заметить, скрывался негибачаемый стержень, основа, без которой всё бы мгновенно развалилось.

Она проводила с ним почти всё время. Если не держала на руках, то сидела у кровати или стояла где-то неподалёку. Иногда к ней подходили муж или сестра Таракис, что-то говорили, она кивала и пропадала на какое-то время. Видимо, ходила поесть и поспать. Всегда недостаточно, потому как с каждым днём мешки у неё под глазами становились всё больше, а сама она – всё более худой.

Почти физически ощущались те бесконечные любовь, забота, нежность и тепло, что изливались на него от этого человека. И также ощущалось, что его собственное существование, просто тот факт, что он есть на этом свете, наполняло её силой и жизнью подобно маленькому солнцу. Несмотря на то, что на самом деле он вряд ли походил хотя бы на тлеющую лучину.

Теперь он мог сказать, что с его телом, и правда, было что-то не в порядке. Даже для новорождённого оно было слишком слабым. Когда-то, в прошлой жизни, он часто проходил

мимо палаты, где на маленьких кушеточках лежали такие же маленькие люди. И они, несмотря на беспомощность и беззащитность, были довольно активны. Ворочались, дёргали своими ручками и ножками, кричали, плакали – в общем, вели себя как нормальные младенцы.

В каком-то смысле, то, что он сам ничего из этого не делал, обуславливалось взрослым разумом. Но никто не мешал ему пробовать, и результаты были неутешительны. Уже от пары вялых движений его тело наливалось свинцом, и исчезало всякое желание продолжать попытки. У него ничего не болело, но эта тяжесть буквально убивала. Казалось, он оказался в тюрьме собственного организма, в личных зыбучих песках, вытягивающих силы и уверенность.

Это была пытка куда изощреннее, чем мог бы придумать самый искусный инквизитор. Понимание того, что всю твою будущую жизнь эта тяжесть будет преследовать тебя. Неотступно, неумолимо, до самой гробовой доски. Потому что он прекрасно понимал: такое не лечится.

Он бы сдался. Плюнул на всё, отказавшись от существования в зыбучем песке. Вот только он уже дал обещание. Эта жизнь не принадлежит ему одному. Три тени, маячившие за спиной, постоянно толкали вперёд, не давая даже замедлить шаг, не то, что остановиться. И ещё, конечно, была его мама.

Сколько всего скрыто в этом простом слове. Тогда, на Земле, он читал статью одного лингвиста, в которой тот рассуждал о сущности слова «мама». Дело было в том, что без

каких-либо взаимодействий, очень многие языки мира сходились в его произношении. И этот лингвист предположил, что суть как раз в том, какие звуки первыми проще всего издать младенцу. То есть слово «мама» было придумано не взрослыми, а новорождёнными детьми. Может, поэтому в нем всегда была некая магия, призрачный свет, исходящих откуда-то из глубины самой души.

Мама, своей заботой, вниманием, любовью, не давала ему впасть в отчаяние. Не позволяла махнуть на всё рукой. Именно благодаря ей он решил, что будет бороться до последнего.

Глава 2

Что требуется от человека, желающего как можно скорее оправиться после сложной операции: ампутации или серьёзной травмы? Ответ банален. Упорство. Упорство и пренебрежение болью. Упорство и игнорирование неудач. Упорство, часто приводящее в ужас окружающих. До кровавой рвоты, до помутнения сознания, до окончательного лишения сил.

Что требуется от человека, чья травма – всё тело? Опять же, догадаться не сложно. Упорство в десять раз большее. А если этот человек – грудной младенец?

Сколько раз к нему приходило желание умереть прямо на месте, мгновенно и безболезненно? Сколько раз больные детские лёгкие, не способные снабжать тело достаточным количеством кислорода, жгло адским пламенем? Сколько раз руки и ноги были словно пробиты миллионами игл из-за того, что мышцы отказывались нормально работать? Сколько раз голова почти разваливалась на части, потому что желание заснуть, становившееся почти необоримым, подавлялось волей и тремя теньями, следящими из пустоты?

Но больше всего этого убивало то, что целью всего этого безумия было банальное выживание, а самые сложные упражнения состояли лишь в нестройных дёрганьях маленького тела. Складывалось впечатление, что он пытался пройти толь-

ко десятков шагов, при этом затрачивая усилия на десяток кругосветных путешествий. И никто не мог понять или хотя бы увидеть его старания. Но больше ничего сделать было нельзя. Как не существовало лекарства от старости, так не было и искусственного способа сделать тело сильнее. Тем более, такое маленькое тело.

Прогресс... даже если и был, в постоянном самоистязании он этого не замечал. Он лишь знал, что его мама становилась радостнее день ото дня, и краснота на её глазах уступала место счастливой улыбке. Этого было достаточно. Сестра Таракис тоже явно стала куда радостнее, и толстые губы на её круглом лице растягивались всё шире и шире.

А потом к нему пришла новая гостья. Сидящая на руках отца маленькая девочка смотрела на младенца с нескрываемым любопытством. Ей было года четыре. Пухленькая, до невозможности милая, с парой больших бантов над ушами похожая на фарфоровую игрушку. Молочно-белые ладошки потянулись вперёд, к нему, но мужчина тут же одёрнул дочку. Да, сомневаться не приходилось: это его старшая сестра. Ну... как старшая. Биологически всё было верно, вот только этот карапуз вряд ли умел считать даже до десяти. Новая жизнь обещала быть очень странной.

И теперь он был уверен, что его старания не пропадали даром. Потому что такого непредсказуемого посетителя могли пустить лишь к поправляющемуся пациенту. То, что задумывалось как его собственная версия физиотерапевтиче-

ского массажа, а стало одной из страшнейших пыток, дало свои плоды.

Второе дыхание не открылось, как это часто описывалось в книжках, но и прекращать он не собирался. Только когда он покинет больницу станет понятно, что угроза позади. И пока этого не произошло, адские тренировки, для всех вокруг выглядящие как еле заметные подёргивания, не прекратятся.

* * *

– Давай, малыш, это же не сложно. Тётя. Ну же, скажи, порадуй тётю Таракис! Тётя. Тё-тя.

Не то, чтобы ему было жалко, но горло просто отказывалось слушаться. Выходил либо крик, либо неопределённый хрип. Заставить своё тело повиноваться всё ещё было невероятно сложно. С того дня, как больничная палата сменилась детской комнатой в большом доме, прошло уже несколько месяцев. И примерно столько же эта большая женщина работала его няней. Видимо, слишком сильно она прикипела к беззащитному и беспомощному младенцу. Настолько, что ушла с места, где работала много лет.

– Как сегодня мой мальчик? – дверь комнаты отворилась, и он почувствовал тепло, такое родное и нежное. В прошлой жизни он был обделён материнской лаской. Она умерла, когда ему было три, и, конечно, он ничего о ней не помнил.

Поэтому в этот раз он наслаждался каждым мгновением.

– Неплохо, госпожа. Правда, говорить у нас пока не получается, но это нестрашно. Уверена, что он вырастет и станет невероятно умным, да, золотко моё? – пухлые пальцы отработанным движением бросились к его животу. Щекотка ему не нравилась, но сестру Таракис это, похоже, не волновало. Да и как бы он смог выказать свой протест?

– Не сомневаюсь в этом, – на смену аккуратным, но грубым и слишком толстым рукам няни пришли мамины – мягкие и тонкие. – Ты точно станешь самым-самым, радость моя.

Как же ему хотелось сказать ей, что он обязательно исполнит все её мечты и чаяния. Но проклятое тело отказывалось слушаться. Организм упорно сопротивлялся его желаниям, отодвигая всё дальше и дальше долгожданный миг. И только разум мог работать на полную, впитывая новую информацию безостановочно и на невероятных скоростях. Иногда ему даже казалось, что это не его мысли, настолько быстрыми и чёткими они были.

Местный язык он начал учить сразу после выписки из больницы, когда больше не требовалось ежедневно умирать от «тренировок», и освоил на разговорном уровне через четыре с половиной месяца. Да, сложных слов он не знал, банально потому, что никто при нём их не произносил. Но понимать окружающих это не мешало. В прошлой жизни Семён знал пять языков, включая арабский и латынь, так что

его можно было назвать начинающим полиглотом, но никогда изучение чужой речи, тем более без системы и словарей, не было таким простым.

Однако, определить причину этих изменений не получалось, а потому пришлось списать всё на побочные эффекты от перерождения. Всё-таки, похоже не зря говорят, что дети всё схватывают на лету.

И, конечно, про себя и свою семью он тоже узнал немало. Лазарис Санктус Морфей. Так его звали. Красивое имя, тут у него не было никаких претензий. Отец был известным художником, мама – преподавательницей этикета в элитном учебном заведении. На самом деле, семья была довольно большой. По отцовской линии у него было ещё два дяди, по материнской – тётя со своими детьми, жившая отдельно. В доме также проживали оба деда и прабабка, единственный человек, который был ближе него к гробовой доске. Плюс множество слуг от дворецкого и повара до прачек и самой сестры Таракис.

По факту прислуга не была особенно необходима: все вышеназванные могли позаботиться о себе сами. Но тут дело было в другом. Статус. Род Морфеев не был особо знатным, но всё равно очень известным, и иметь слуг им полагалось, как, к примеру, серьёзному человеку полагалось знать тот же этикет. Да, он переродился аристократом. А судя по тому, что на Земле дворянство почти исчезло и точно не имело таких привилегий, это всё-таки был иной мир. Что же, так

было даже лучше. Не нужно было волноваться, что судьба столкнёт его с кем-то знакомым.

А ещё у него была старшая сестра, та самая фарфоровая куколка с русыми, в отца, волосами. Её звали Ланирис. И после мамы и сестры Таракис именно Лани была самым частым его посетителем. Зрелище появляющейся из-за перил пухлой моськи доставляло огромное удовольствие. Для взрослого разума она была просто маленькой девочкой, милой и забавной. И вспоминал он о том, что она старше только тогда, когда в поле зрения попадали его собственные, тонкие, покрытые вязью венки ручки.

Он отлично помнил, как приехал из роддома, лёжа в переносной люльке. Малютка с улыбкой от уха до уха бросилась вперёд и, опередив предупредительные крики родителей, заглянула внутрь. Раньше, в полутьме палаты, рассмотреть младенца было довольно сложно, но здесь, на свету, его болезненная, отдающая в синеву бледность бросалась в глаза. Даже такая кроха, как Лани, могла понять, что это совсем не норма. Радость на её личике сменилась удивлением, а потом из больших голубых глаз покатались крупные слёзы. В ту секунду ему было невероятно стыдно за самого себя. Совершенно беспричинно, ведь он не был виноват в своём состоянии. Но зрелище тихо плачущей девочки едва не разорвало сердце на части.

К его обещаниям тогда прибавилось ещё одно. Защищать эту малышку ото всего на свете, не важно как, но сделать всё,

чтобы она больше никогда ТАК не плакала.

И сейчас, глядя на её счастливую улыбку, он чувствовал то же тепло, что исходило от его мамы.

– Лаз! – даже в четыре года твёрдый звук «Р» упорно отказывался подчиняться Лани, так что полное имя брата было ей не по зубам. Однако, это не мешало ей, с дозволения няни опустив один бортик его кровати, трещать без умолку обо всем, что только могло прийти в эту маленькую головку. Список, кстати, был довольно нестандартный. Вместо кукол и платьев Ланирис увлекалась рыцарскими сражениями, мечами и, конечно, магией.

Именно из её щебета Лазарис узнал об этом поразительном факте: мир, куда он попал, был оккупирован волшебниками. Магия царила везде, и сильнейшие чародеи были элитой общества ничуть не меньшей, чем потомственные аристократы.

К огромному сожалению, никаких деталей, кроме того, что маги крутые и сильные, Лани не знала. И это стало для Лаза настоящим ударом. Он чувствовал себя Алисой, которая прыгнула за кроликом в бездонную нору, но перед самым приземлением вдруг зависла в воздухе. И ни туда, ни сюда. Дивный новый мир лежал за стенами детской. Мир, наполненный тем, о чём хотя бы раз мечтали все дети Земли. Но чтобы дотянуться до этого мира... на самом деле он должен был быть благодарен судьбе и своему упорству, что ещё дышит. О магии речь шла если не в последнюю, то по

крайней мере, в предпоследнюю очередь.

* * *

Атмосфера в доме Морфеев была крайне неоднозначной. Редко где можно было встретить такую смесь радости, печали, облегчения и тревоги. Причиной же для подобного стал день рождения самого младшего члена семьи – Лазариса Санктуса Морфея.

С одной стороны, первый и пока что единственный наследник знатной фамилии праздновал год жизни. С другой же, несмотря на совершенно искреннюю поддержку, люди не могли не осознавать, в каком положении находился мальчик. Уже сам факт того, что он протянул этот год можно было назвать настоящим чудом. Многие в глубине души считали, что этот первый день рождения станет для ребёнка и последним.

Естественно, никто не смел произнести нечто подобное вслух. Фелиция Морфей, в девичестве Фелиция Рамуд, при всей своей внешней мягкости и кротости, в определённые моменты могла быть поистине ужасающей. Класс, руководителем которого она была, ходил перед этой женщиной по струнке вовсе не из-за доброты. И все в доме прекрасно понимали: простая оговорка о возможном будущем её сына определенно станет началом того самого «определённого момента». Так что к празднику готовились обстоятельно и с

большим вниманием.

И единственным, кого надвигающееся торжество несколько не волновало, был сам Лаз. И вовсе не потому, что, как все думали, он пока не понимал самой концепции дня рождения. Его в принципе больше не интересовало количество оставшихся за плечами лет. Просто потому, что для него само понятие возраста настолько исказилось, что стало бессмысленным. Телу – год, разуму – тридцать один. И что считать правдой? Первое? Второе? Среднее арифметическое?

Поэтому вместо того, чтобы думать о своей нелёгкой судьбе или рассуждать на какие-то высокие отвлечённые темы, Лазарис занимался тем, что пытался почувствовать собственную душу.

Полтора месяца назад Лани умудрилась выдать невероятную тайну, прежде скрытую за семью печатями. Магия в этом мире в качестве топлива использовала именно душу волшебника, как огонь использовал дрова, чтобы гореть. Конечно, больше никаких деталей толстощёкий партизан не раскрыл, но сама идея была достаточно простой, чтобы додумать остальное. Если чародей использует заклинания через свою душу, то он должен по крайней мере ощущать её и уметь управлять. Продолжая аналогию, дрова сами собой не загорятся: их нужно правильно сложить, поджечь и следить за поддержанием пламени.

Вот только ничего не получалось. Всё равно что искать

черную кошку в темной комнате – не зная даже примерных ориентиров, сделать хоть что-то было невероятно сложно. Что он только не испробовал. Пытался погрузиться в медитативный транс, следовал выученной зачем-то на втором курсе техники осознанных сновидений, доводил себя до полного изнеможения, надеясь, что таким образом на него снизойдёт какое-нибудь просветление. Бесполезно.

Однако, сдаться было бы слишком просто. В груди кипела злость. На самого себя, на болезнь, на богиню, подкинувшую ему такое паршивое перерождение. Почти пятьдесят дней упорных и бесплотных попыток. Он был на пределе.

И именно в этот момент в комнату вошла сестра Таракис, заставив его взорваться потоком брани. Мысленно, разумеется. Нет, Лазу нравилась эта большая женщина с вечной улыбкой на пухлых губах. Но сейчас она была последним человеком, кого он хотел бы видеть. И причина этой неприязни неумолимо приближалась к его животу.

– Ути-пути, моё золотко! Проснулся уже? У тебя ведь сегодня день рождения! Принимай свои первые поздравления... Яй!

Всё случилось так внезапно, что Лаз лишь спустя несколько минут, когда топот тяжёлых шагов давно стих на лестнице, смог осознать произошедшее.

Прикрыв глаза, он постарался максимально подробно воспроизвести в памяти нужный кусочек. Вот пара сарделькоподобных пальцев уже всего в паре сантиметров от его пупка.

Вот злость, что копилась последний месяц, наконец, находит выход, изливаясь на ни в чем не повинную, в общем-то, женщину. А потом... потом сестра Таракис резко отдёргивает руку, словно получив хлёсткий удар по ладони.

Нет. Нет-нет-нет... точно было что-то ещё. Между причиной и следствием должен был быть некий процесс, который превратил одно в другое. Он точно ничего не сделал и тем более не сказал. Тогда... подумал? Точно! Это были его мысли.

Он захотел, и произошло нечто, выходящее за рамки нормы. А это могло обозначать только одно.

Магия!

Глава 3

– Здравствуйте, господин Морфей, госпожа Морфей, – гость был высок и худ, а в этих длинных многослойных одеяниях, переливающихся всеми оттенками синего, он казался едва ли не воздушным.

– Мы очень рады вас видеть и благодарим за то, что ответили на наше приглашение, – Санктус поклонился профессору Дома Магии.

Благодаря своему отцу, Кратидасу Морфею, Санктус, отец Лаза, мог смотреть на магов как на равных, но ситуация была необычной. Крупнейшая в стране академия вовсе не была обязана тратить драгоценные кристаллы-оценщики на годовалых детей. Это был скорее визит вежливости в ответ на просьбу Кратидаса. А потому стоило показать гостю их благодарность хотя бы таким образом.

– Не стоит, не стоит, – любезная улыбка растеклась по узкому лицу. – Давайте перейдём к делу. На самом деле, я был сильно заинтригован этим запросом. Приказ поступил от начальства моего начальства и, если честно, мне даже не особо объяснили, в чём, собственно, проблема. Что такого произошло, что вам раньше срока понадобился оценочный камень? Ведь вашей дочери только четыре, до официальной церемонии ещё два года.

– Вы отлично осведомлены, уважаемый. Но дело не в на-

шей дочери... – супруги неуверенно переглянулись, понимая: то, что они собирались сказать, было полным бредом.

– Тогда что стало причиной моего визита? – любезная улыбка стала вдвое уже.

– Мы бы хотели, чтобы вы проверили нашего... нашего сына.

– Сына? Погодите, это тоже было в отчёте... годовалого ребёнка?! – на вытянутом лице мага отразился гнев, а у виска забились жилы. – На что вы тратите моё время?!

– Подождите, уважаемый, мы бы не позвали вас просто так! – Фелиция Морфей впервые вмешалась в разговор. И было в её голосе что-то такое, что вся раздражённость гостя сразу исчезла.

– Ладно, – помассировав переносицу, волшебник, не дожидаясь приглашения, опустился на широкий диван. – Расскажите мне всё по порядку.

* * *

– И вы верите этой женщине? – в голосе мага всё ещё оставался скепсис, но на лице отражался нескрываемый интерес.

– Она была с этим ребёнком с самого рождения, ей нет особого смысла лгать о подобном. И даже так, мы не могли проигнорировать такую невероятную возможность.

Санктус сидел в кресле напротив гостя, явно сильно нервничая. При всём своём влиянии Кратидас не любил исполь-

зовать своё положение в личных целях. Всё, что он выторговал у Дома Магии – это просто визит. Ни больше, ни меньше. И если им не удастся убедить мага истратить на Лаза оценочный камень, все усилия старого министра окажутся бесполезны.

– Хорошо, – с силой проведя ладонью по лицу, маг встал с дивана. – Если всё окажется лишь воображением престарелой няни, то у меня будут большие проблемы за напрасную трату ценных ресурсов. Но вы правы, пренебрегать подобным было бы куда большим преступлением. В конце концов, маги – будущее страны. Проведите меня к ребёнку.

– Пойдёмте, уважаемый.

Небольшая процессия из трёх человек поднялась по лестнице и остановилась у дверей детской, раскрашенной в оптимистичный оранжевый цвет. Седва заметным скрипом отворив её, Фелиция пропустила мужчин внутрь. Магу пришлось пригнуться, чтобы не удариться о притолоку.

Вопреки весёлым цветам и множеству игрушек, накопленных родителями ещё до рождения сына, атмосфера в комнате царила совсем не радужная. Шторы были плотно задёрнуты, не пропуская внутрь ни лучика дневного света, воздух был сух и жарок, пахло лекарствами и болезнью.

С разрешения Санктуса гость наклонился над кроватью.

– Милостивый свет...

У мага были жена и дочь. Ей скоро исполнялось одиннадцать, но он прекрасно помнил, какой она была милой, пух-

ленькой, розовощёкой малышкой с ясными глазками и огненно-рыжими, в мать, волосами.

Но этот ребёнок... бледный как смерть, настолько тощий, что можно было пересчитать ребра, с совершенно белой, как у древнего старика, головой и красными, налитыми кровью глазами... Вариант с неправильным обращением исчез также быстро, как и появился, супруги явно очень любили сына. Но оставшиеся возможности были не лучше.

– Что с ним? – в тихом голосе мага сквозила искренняя жалость.

– Никто не знает, – Санктус тяжело опустился на детский стульчик. – С самого рождения он был очень слабым, и мы ничего не могли с этим сделать. Не помогли ни лекарства, ни особое питание, даже вмешательство целителя оказалось бесполезным. Мы благодарим небеса уже за то, что он дожил до этого дня. И тем важнее нам ваша сегодняшняя помощь.

– Я... я вам очень сочувствую, правда.

– Спасибо, это для нас важно.

– Ладно, малыш, – замок на небольшом саквояже со щелчком открылся, и в руке мужчины оказался странного вида аппарат. Вытянутая воронка, покрытая сложной вязью узор, с широкого конца была закрыта большим матово-серым камнем. Другая сторона заканчивалась небольшим утолщением с мягкой накладкой. – Давай проверим тебя.

– Нам выйти? – с некоторой опаской глядя на агрегат, спросил Санктус.

– Нет, не нужно, можете остаться. Итак, приступим.

Мягкий упругий пяточок определителя магии упёрся Лазу в грудь. Пару секунд ничего не происходило, а затем камень, похожий на выпуклую линзу фонаря, засиял мерным серебристым светом. Приятное, мягкое свечение успокаивало и замедляло мысли. Однако, так было только поначалу.

Через минуту свет, раньше сравнимый с обычной восковой свечкой, стал почти втрое ярче, и аппарат впервые мигнул чисто-белой вспышкой. Маг кивнул.

– Минимальный ранг. И судя по всему, это далеко не предел.

Вскоре аппарат уже освещал всю комнату, пусть и тускло. Последовала новая вспышка, и склонившийся над кроватью мужчина показал широкую улыбку.

– Средний потенциал, и даже не начал показывать признаков замедления. Вы можете гордиться своим сыном, – на лицах супругов отразилась редкая за последний год радость.

Следующий рубеж был достигнут, когда на камень уже было неприятно смотреть, и маг положил на глаза ребёнка ладонь.

– Высокий! Отлично! Я точно не зря на это решился, – рука Санктуса почувствовала крепкие пальцы жены, впившиеся в кожу.

Однако, даже этим дело не ограничилось. Ещё через пять минут в сиянии камня было невозможно рассмотреть очертаний мебели, а глаза приходилось зажимивать.

– Высший... неужели? – в голосе мага было легко разоб-
ратить невероятное удивление.

Но в следующее мгновение свечение резко затухло, слов-
но кто-то набросил на кристалл тяжёлый полог.

* * *

– Поразительно! – мысли в голове Павоса Эраля бежали
быстрее курьерских лошадей. Произошедшее было неверо-
ятно значимо. Да, может, высшего ранга, ребёнок Морфеев
и не достиг, но подобрался к заветному титулу очень близ-
ко. В каком-то смысле его даже можно было причислять к
высшим, особенно с учётом того, насколько рано проявились
способности мальчика.

– Наш сын крайне одарён, это же великолепно! Что тут
ещё говорить? – Санктус протянул было к нему руку, но тут
же с шипением отдёрнул и уставился на порезанный палец.
Маг даже не заметил, как создал вокруг себя область агрес-
сивной энергии.

– Нет-нет-нет, не просто одарён... – Павос немного при-
шёл в себя, и воздух перестал отсвечивать кромками режу-
щего ветра. – Давайте попробую объяснить вам положение
вещей.

– Просим вас, – после такого только идиот бы не понял,
что дело, и правда, невероятно важное.

– Хорошо, смотрите, м... – для самого мага такая инфор-

мация была сама собой разумеющейся. Так что тщательно разжёвывать всё это было почти противно, тем более, с учётом важности момента. Но он должен был удостовериться, что пара перед ним понимала всё до конца. – Начнём с того, что знает почти любой человек. Каждый маг от рождения обладает определенным магическим потенциалом, обуславливаемым силой его души. Чем сильнее она – тем легче тебе будет применять магию. Но у восьмидесяти процентов населения Люпса потенциал, фактически, равен нулю. Это означает, что колдовать таким людям не дано. Вы двое, насколько я знаю, именно такие... Конечно, в этом нет ничего плохого! – поняв, что в пылу сказал довольно обидную вещь, Павос сразу попытался исправиться, хотя получилось довольно неуклюже.

– Всё верно, мы с женой не имеем таланта к волшебству. Но сейчас нас волнует наш сын, так что рассказывайте дальше, пожалуйста, – Морфеев сейчас вообще ничто иное не волновало. И тут маг их прекрасно понимал.

– Да, простите, – смущённо кашлянув, он продолжил. – Так вот. Минимальный потенциал, как у вашей няни означает, что магия будет даваться человеку со скрипом. Даже для небольшого прогресса придётся приложить немало усилий. Из оставшихся двадцати процентов таких людей – девять из десяти.

Дождавшись, пока супруги кивнут, мужчина продолжил.
– Средний потенциал уже считается отличным показате-

лем. Имея его и родство к паре элементов можно поступить почти в любую магическую академию. Из оставшихся, таких – подавляющее большинство. Людей с высоким потенциалом – лишь сотни на всё многомиллионное королевство. Максимум тысяча-полторы. Такие маги считаются элитой, где бы не появлялись.

Наконец, на лицах супругов начало проступать понимание. Обычные люди, не имеющие к магии прямого отношения, крайне редко сталкивались с такими материями. Но отец и мать Лаза не были глупы. Они видели произошедшее и не могли не соотнести свечение камня-определителя со словами взволнованного чародея. В принципе, уже сейчас было легко понять масштабы, но Павос собирался закончить свой рассказ.

– Высшим потенциалом в Кристории обладают лишь одиннадцать человек. Они, если не считать тринадцатилетнего паренька, проходящего сейчас сложнейшие курсы подготовки – опора всей Кристории и козыри в любой войне. Ваш сын, к огромному сожалению, не достиг титула высшего. Но дело не только в силе души, – поднявшись с места, Павос подошёл к кровати. Два красных глаза тут же сфокусировались на нём с цепкостью дикого зверя. Маг непроизвольно вздрогнул. Теперь, зная о силе этого ребёнка, он уже не мог испытывать к нему одну лишь жалость.

Глубоко вздохнув и подавив дрожь в пальцах, он продолжил.

– Каждому профессиональному магу известно, что победа зависит от потенциала далеко не в первую очередь. Куда важнее опыт, мастерство, интуиция, если угодно. Способность мага умело использовать свою энергию намного ценнее большего объёма этой энергии. Признаюсь, поначалу я отнёсся к вашим словам без должного внимания. Не проникся тем, насколько поразителен факт применения заклинания годовалым младенцем. Но теперь я понимаю, что с учётом этого, а также его невероятно высокого потенциала этот мальчик вполне может стать на один уровень с высшими. Стать одним из сильнейших магов континента.

В комнате повисла мёртвая тишина.

– Это... это... – Фелиция Морфей, редчайший случай, не знала, что сказать.

– Как я и сказал, совершенно поразительно, – Павос Эраль кивнул, наконец убедившись, что родители ребёнка в полной мере понимают открывающиеся ему перспективы.

– Вы говорили, что самый юный высший Кристории сейчас где-то тренируется? – неожиданно спросил Санктус. – Ждёт ли это и Лаза?

– Этого я не знаю. Конечно, мне, как магу, также очень хотелось бы, чтобы этот ребёнок использовал свой потенциал на все сто процентов. Но я также понимаю всю сложность подобного из-за... – мужчина замялся, прекрасно понимая, какой щекотливой темы коснулся.

– Его состояния, – закончила Фелиция совершенно холод-

ным безэмоциональным голосом.

– Да. Я не утверждаю, что ваш ребёнок в будущем не сможет добиться невероятных высот, ни в коем случае. Но вы не можете не понимать, что физическое состояние мальчика накладывает большие ограничения на всю его жизнь. И не важно, чем он будет заниматься, с этим придётся считаться.

– Мы понимаем это куда лучше вас, – пожалуй, женщина ответила слишком резко. Но в данный момент Павос просто не имел смелости на это указывать. – Мы не боимся того, что Лаза не возьмут на эти ваши особые курсы, уважаемый. Всё с точностью наоборот. Мы переживаем за него и не хотим подвергать излишнему риску. Особенно после всего, что ему и нам пришлось пережить. – На этом моменте представителю магической ассоциации захотелось провалиться сквозь землю. – Я хочу, чтобы вы передали это своему начальству и всем, кто захочет в будущем затащить Лаза в одно из подобных мест. Пока он не сможет решать сам, хочет ли он того, или нет, я не позволю использовать моего ребёнка в качестве подопытного кролика. Вам всё ясно?

– Да, я понимаю.

На представителя Дома Магии было жалко смотреть. Прибыв в ореоле внушительности и, может, даже пафоса, сейчас он был практически уничтожен короткой речью Фелиции, переживая целый веер самых различных оттенков стыда.

– Тогда, думаю, вам лучше уйти.

* * *

– Мы совершенно точно не хотим, чтобы наш сын становился каким-то оружием правительства. Это даже не подлежит обсуждению, – когда Фелиция Морфей хотела, она с лёгкостью пренебрегала этикетом и жёстко вмешивалась в разговор мужчин. И по выражению лица Санктуса, гость в синей мантии понял, что ни одёргивать супругу, ни спорить с ней тот не собирается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.